Кобра клана Шенгай

Автор:
Марина Комарова

Кобра клана Шенгай

Марина Сергеевна Комарова

Другие миры (АСТ)Кобра клана Шенгай #1

Она попала в другой мир, получив в дар огромную силу и скверную репутацию. Её прошлое – туман. Её сообщница – безумная богиня. Её опора – мёртвый клан, который нужно поднять из пепла. Бери в руки оружие, Аска Шенгай, твой враг идёт по следам!

Марина Комарова

Кобра клана Шенгай

© Марина Комарова, 2021,

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

????????????.

Один бог забыл – другой поможет

Японская пословица

Часть 1

Школа Годзэн

Глава 1

– Эй, быстро поднимите её!

Голоса доносились словно сквозь толщу воды. Голова болела до ужаса.

– Я говорил, что ночная молитва навредит ей! – тонкий пронзительный голос заставил чуть поморщиться.

Я открыла глаза, и в тот же момент меня подхватили под руки, поднимая с твёрдой поверхности.

Деревянные стены, низкий потолок, с которого свисают странные колотушки с красными нитями, стол-алтарь, два маленьких окошка и аромат, от которого тянет закашляться. Какие-то благовония пахнут настолько сладко, что хочется поскорее оказаться на свежем воздухе.

Меня держали две девчонки. Обе азиатки, на вид не старше шестнадцати лет, одеты в фиолетовые костюмы из мягкой ткани, напоминающие одежду для занятий боевыми искусствами.

Но моё внимание больше привлекли двое мужчин, стоящих в нескольких метрах от нас. Тот, что был пониже и покруглее, продолжал вопить:

– Говорил, что нельзя! Так нет! Целитель Изаму ничего не понимает! Целитель Изаму только думает о высоком!

Второй, высокий и со статью настоящего бойца, даже не изменился в лице. Он стоял, сложив руки на широкой груди, и молча слушал целителя. Не ошибусь, если он воин. Такой одними руками переломит врага пополам.

В какой-то момент мужчина метнул на меня задумчивый взгляд. В чёрных глазах ничего не прочесть. У меня по спине пробежал холодок.

– Аска, держись, – шепнула девушка, что поддерживала меня справа.

Аска – это я?

А кто они? И эти двое – тоже?

Хуже всего, что и этих людей, и обстановку вокруг видела первый раз в жизни. Силясь пробиться сквозь головную боль, получила только приступ тошноты.

Глубокий вдох – выдох. Вдох – выдох.

– Учитель Коджи, вы как хотите, но я вынужден буду сообщить директору школы, если это…

– Спокойнее, Изаму. – Голос Коджи оказался ледяным и тяжёлым, будто камень, падающий в прозрачный ручей. – Пусть сама скажет.

Оба посмотрели на меня.

Повисла тишина. Кажется, надо было сказать что-то умное, но что? Голова по-прежнему болела и отказывалась нормально соображать. Интуиция подсказывала, что не стоит сейчас задавать вопрос: «Кто вы?», и уверенность в этом была настолько сильной, что я только шумно выдохнула.

Стоявшая слева девчонка наступила мне на ногу. Сигнал был ясен: действуй.

Колени мерзко дрогнули. Ещё немного, и хлопнусь в обморок.

– Я… – Пересохшие губы плохо слушались. Меня в пустыню, что ли, выбрасывали? – Хочу пить. И сейчас упаду.

– Мисаки, Харука, отведите её в лазарет, – резко сказал учитель Коджи. – Потом поговорим.

Он быстро повернулся к целителю, но меня уже вытащили на улицу. Обернувшись, я сообразила, что мы находились в каком-то храме.

– Как тебя только угораздило? – шипела та, что стукнула меня. – Говорили, спрячься! Не хвались перед Коджи! Нет, надо было поумничать! Теперь на себя только посмотри!

Я бы с удовольствием посмотрела, но… ни воды, ни какой-то гладкой поверхности рядом не было. Зато я тут же отметила аккуратные дорожки, белое строение с загнутой крышей, напоминающей пагоду, и множество девчонок, одетых так же, как мои спутницы. На мне было длинное белое одеяние без опознавательных знаков.

Я пыталась сообразить, где нахожусь и как сюда попала. Откуда столько азиатов? Что девочки, что мужчины. Навскидку было сложно определить, кто именно, однако если судить по цвету кожи и разрезу глаз, то скорее всего японцы. Да и имена сложно спутать с другими.

Пока мы шли, на нас периодически бросали любопытные взгляды, временами даже сочувствующие, но ничего не спрашивали. Девушки в основном были заняты уборкой территории и наведением порядка на клумбах.

– Мисаки, ты же знаешь Аску, – меланхолично произнесла вторая. – Она сначала ляпает, потом думает.

– Плетунья, дай ей ума побольше, – проворчала Мисаки.

В мозгу будто вспыхнула молния.

Плетунья.

Мир точно застыл, все звуки стали тише, лица Харуки и Мисаки словно подёрнулись рябью.

И тут же откуда-то донеслись щелчки и шорох нитей.

«Здравствуй, дитя моё, – прозвучал в голове тихий смех. – Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, ночь не прошла даром, и скоро мы познакомимся поближе?»

Я пошатнулась, с губ едва не сорвался ответ.

И тут откуда-то донесся крик. Детский, отчаянный, испуганный.

Я сжала руку в кулак, в тело хлынула сила, стирая боль и слабость. Девчонки отшатнулись от меня.

Крик повторился.

Я завертела головой, определяя направление.

Сила кипела, бурлила в венах, заменив кровь, приказывала: «Беги. Действуй. Беги!»

Я с места рванула вправо, туда, где за оградой виднелся тёмный лесок. Босые ступни, казалось, не касались земли.

– Аска! Аска! – орали за спиной.

За мной кто-то бежал, но догнать не могли.

Ямка, кочка, перепрыгнуть разбитую плитку на дорожке. Откуда-то я прекрасно знала, куда бежать. Даже не было секундного замешательства, чтобы

остановиться.

– Аска, дура, стой! – донесся крик целителя Изаму.

Я перемахнула через невысокую ограду. Длинное одеяние зацепилось, послышался треск. Я чуть не влетела носом в собранную кучу листьев и веток, но успела вывернуться и удержаться на ногах, а потом снова рвануть прямо в лесок.

Что-то тянуло туда, гнало, как ненормальную.

Я перепрыгнула через поваленное дерево, на краю сознания мелькнуло, что человек так в принципе не может. Однако резко стало не до того, когда откуда-то из-за сплетённых ветвями изогнутых стволов донесся жуткий рык.

Пальцы похолодели, не хотелось даже думать, кто может издавать такие звуки. Я промчалась по берегу реки, зная, что крик шёл отсюда.

Через пару минут в воде мелькнуло что-то красное и показалась черноволосая головка.

Сзади снова зарычали. Я глянула через плечо – никого.

Снова щелчки и шорох нитей. И будто мягкое прикосновение к плечу.

Спеши. Спеши. Спеши.

Я, не раздумывая, стащила через голову дурацкое одеяние и прыгнула в воду. Она оказалась холодной, кожу обожгло, я чудом не взвыла. Но взяла себя в руки и быстрыми гребками поплыла к утопавшему. Нет… утопавшей. Это была малышка, которая отчаянно барахталась в воде и уже не могла кричать. Красные цветы в заколке на гладких черных волосах ярко контрастировали с посиневшей от холода кожей.

Какой идиот оставил ребенка без присмотра? Ей же лет пять, не больше!

Внутри поднялось негодование. Бездонное, глубокое, готовое в любой момент снести всё на своём пути.

– Цепляйся, – прохрипела я, давая девочке возможность ухватиться за себя. – Всё, не бойся. Плывём назад.

Гнев ещё клокотал, но я задвинула его поглубже, сосредотачиваясь на задаче догрести до берега. Не думать о холоде, не думать о течении, которое отталкивает назад. Нам нужно только вперёд.

Девочка притихла, вцепившись в меня. Умница. Понимает, что лучше не размахивать руками и не верещать – толку всё равно не будет.

Берег оказался дальше, чем я думала, но едва ноги оказались на влажном песке, я выдохнула с облегчением.

И тут же вздрогнула, потому что в нескольких шагах от меня стояло… нечто.

Оно было моего роста, кожа отливала краснотой, тело напоминало химеру из кошмаров. Глаза настолько черны, что свет в них утопает. Рот искривлён в почти человеческой ухмылке, обнажая клыки. Только вот ничего человеческого в этой твари не было.

«Слабый духом – пища для цуми, – всплыли в голове слова, произнесенные сухим старческим голосом. – Запомните это, ученицы школы Годзэн. Покажете цуми страх – цуми покажет вам преисподнюю».

– Цуми, – еле слышно шепнули мои губы.

В памяти тут же мелькнуло, что так по-японски звучит «грех».

Девочка вцепилась в мою руку. Кажется, от ужаса она не могла даже кричать.

Я быстро соображала, что делать. Прогнать? Очень смешно, стою в чем мать родила перед неведомым науке монстром. Тут рядом ни палки, ни камня, не говоря уже о каком-то оружии. Да и с такими зубами он прокусит меня сразу. Малышку на руки и бежать? Вариант. Но насколько быстро бегает эта тварь?

Судя по ее развитым мышцам, наши догонялки закончатся сразу.

Цуми втянул воздух, красноватые ноздри затрепетали. Глаза чуть прищурились. Он чего-то ждал. Но чего?

Мои ноги будто примёрзли к берегу.

Нельзя смотреть зверю в глаза – это вызов. Это то, из-за чего на тебя могут в любой момент броситься. Но я вдруг осознала: как только опущу взгляд – проиграю. Поэтому смотреть. Смотреть до слёз, до боли, до отвращения.

Цуми сделал шаг вперед.

Всё окутала тишина: ни пения птиц, ни шума листвы, ни плеска воды. Страшная. Вязкая. Дикая.

Замерло, будто никогда не было живым.

По щиколоткам потянуло могильным холодом. Сердце колотилось в висках.

Воздух застрял в лёгких. Ещё один вдох – и меня просто не станет. Здесь нет места для слабаков. Кто показывает свой страх, тот не жилец.

– Уходи, – сказала я.

Всего одно слово – и тишина разлетелась на тысячи сверкающих осколков.

Цуми зарычал, поскреб землю когтистой лапой. – Уходи, – громче повторила я.

Его глаза налились кровью, сверкнули в жутком оскале клыки. Миг – глаза в глаза. И что-то будто хрустнуло, пошло трещинами. Цуми взвыл, взмахнул хвостом с чёрной кисточкой и кинулся в гущу леса.

Я глубоко вдохнула. По телу прошла дрожь, перед глазами всё поплыло.

– Стой! Стой! – заговорила быстро малышка. – Не падай!

Детские ручонки попытались подхватить меня, но песок оказался под моей щекой куда раньше, чем можно было подумать.

* * *

…Второе пробуждение было куда приятнее.

Чистая постель, запах каких-то трав и бормочущий под нос целитель, перебинтовывавший мне руку.

Изаму немного хмурился, шевелил губами, снова хмурился и качал головой. Заметив, что я очнулась, он неодобрительно посмотрел на меня.

– Аска, тебе говорили, что голова дана людям не только для того, чтобы есть?

– А для чего? – ляпнула я и тут же прикусила язык.

Кажется, не время шутить.

Судя по сведённым в одну линию бровям Изаму, смеяться ему не хочется.

– Не вздумай подобное повторить при Коджи. Он тебя быстро отправит на Границу.

Граница? Судя по тому, как изменилась интонация целителя, это не слишком приятное место. Память тут же услужливо подсунула воспоминания о вчерашних событиях. Я невольно вздрогнула. Тогда я действовала на рефлексах, сейчас же всё казалось куда страшнее.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Изаму. Я быстро проанализировала ощущения.

– Нормально. Только рука ноет и голова немного.

– Руку тебе подлатали, а голова – странно. Чему там болеть? – донесся голос учителя Коджи, бесшумно возникшего за спиной целителя.

Изаму резко обернулся.

– Моей пациентке нужен отдых, – внезапно холодно сказал он. – Для допросов ещё рановато.

– Я не провожу допросов, я контролирую учеников школы Годзэн, – так же ответил Коджи, глядя прямо на меня.

Если не ошибаюсь, он младше Изаму. И вполне симпатичный. Только от его взгляда захотелось спрятаться под одеяло. Так смотрят, когда точно знают, что ты сделал какую-то дрянь, но не хочешь в ней признаваться. А признание нужно кровь из носу.

Но и мне нужна информация. Потому что кроме вчерашнего дня я ничего не помню. Это плохо, очень плохо. Поэтому я ответила максимально нейтрально:

– Я готова ответить на вопросы, учитель Коджи.

Изаму, который хотел что-то сказать, захлопнул рот. А потом покрутил массивный перстень с красным камнем на пальце. Красный. Почти как кожа твари. Это предупреждение или просто совпадение, а я ищу знаки там, где их не давали?

Коджи придвинул к постели стул и опустился на него. Кажется, разговор будет долгим.

Я подумала было сесть, чтобы не смотреть снизу вверх, но передумала. Если что, лёжа удобнее прикидываться страдающей больной.

Изаму попытался тоже сесть, но Коджи сделал знак рукой.

– Будьте любезны, целитель, оставьте нас.

Мне это не понравилось.

Вряд ли мне сделают что-то плохое, с другой стороны… я понятия не имею, какие тут правила. Возможно, я сделала нечто такое, за что полагается серьёзное наказание.

И тут же возникла чёткая мысль: «Сделала не я. А та, кто была до меня. До того как ступила в храм Плетуньи».

Тихий смех, раздавшийся где-то на краю сознания, был подтверждением. Что-то чуждое и странное присутствовало в моей голове и явно с любопытством следило за происходящим. От этого было одновременно страшно и… спокойно. Так, будто была уверенность, что меня поддержат.

– У вас полчаса. – Изаму поджал губы, перевернул стоявшие на тумбочке песочные часы. – После этого мне нужно дать Аске лекарство.

И вышел, при этом бросив на меня быстрый взгляд у двери и покрутив кольцо с красным камнем.

Хм, точно пытается сигнализировать. Только о чем? Молчать о твари? Не говорить о своём тупом геройстве?

Хорошо бы, но последнее не умолчать. Раз меня сюда притащили, значит, хоть часть случившегося видели.

Коджи дождался, пока Изаму выйдет, и снова посмотрел на меня.

За окном заливалась какая-то птица. Но тишина в палате казалась осязаемой. Меня не любили. До ненависти не так уж далеко. И если при Изаму эмоции учителя Коджи были под контролем, то сейчас ему прятаться было не от кого.

Я невольно сжалась. Если что, придется кубарем скатываться с постели и бежать. Только вот куда?

– Мия сказала, что ты прогнала цуми, – произнёс Коджи. – Достала её из воды и всего одним словом изгнала тварь.

Я округлила глаза. По крайней мере, это сейчас единственное, что можно было сделать. Мия – малышка, которую я спасла? Да, явно она. Из воды вытаскивала только её, вроде других свидетелей моему разговору с цуми не было.

И Коджи, кажется, всерьёз размышляет: поверить ребёнку или мне? Но второе ему делать не хочется, а первое – невозможно. Пусть я понятия не имею, как тут принято общаться с этими цуми, но девочка-подросток явно не та, кто сможет отправить восвояси демоническую тварь всего одним словом.

– Не помню, – ответила я, постаравшись выглядеть как можно более задумчивой. – После… ночи в храме у меня проблемы с памятью.

Коджи приподнял бровь.

– Но ты знала, куда бежать, – заметил он.

– Бежала на крик, – возразила я.

Он откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

Что не так? Крик ведь был. Точно был. Аска страдала глухотой? Или была не слишком умной?

– Почему крик услышала только ты? – тут же прозвучал вопрос.

Ага, значит, всё же дело в этом.

– За мной бежали Мисаки и Харука.

– Именно, – кивнул Коджи. – Они бежали за тобой. Потому что вот ты практически падаешь в обморок, а тут уже рванула на такой скорости к лесу, что не угнаться.

– Я сделала что-то не так?

На его лице промелькнуло удивление, но тут же вернулась маска невозмутимости.

Что-то однозначно шло не так. Но понять, как себя вести верно, было чертовски сложно. До этого хоть рядом торчал Изаму, теперь же приходилось крутиться самой. Но вот что надо молчать о цуми, было понятно без всяких объяснений. Их удивляет, что я услышала крик, а уж демон – и вовсе из разряда фантастики.

– Всё так, Аска, – кивнул Коджи. – Директор будет рад.

Снова пауза.

Директор будет рад, что не погиб ребенок? Мелкая тоже ученица? Или что-то другое? А-а-а, кажется, у меня голова взорвётся! Надо срочно заманить сюда кого-то из подружек, может, хоть что-то выведаю.

Разговор пошёл по кругу. Коджи пытался вытрясти мои воспоминания, я прикидывалась девицей, страдающей от склероза. Временами он начинал беситься, но вовремя вспоминал, что надо себя контролировать.

В итоге меня оставили в покое. Коджи и Изаму столкнулись в дверях. Я краем глаза следила за обоими. Очень выразительные взгляды. Учитель явно не в восторге от целителя, а тот, в свою очередь, даёт понять, что не в восторге от посторонних на своей территории. Несмотря на то что внешне Изаму напоминал рисового колобка, стальной стержень характера в нем чувствовался.

– Через сколько дней Аска вернется к занятиям? – поинтересовался Коджи.

– Минимум три дня, – ответил Изаму. – Её рёку практически исчерпалась.

Я навострила уши. Три дня – это хорошо. А что такое рёку?

Коджи бросил на меня взгляд и вышел.

Я невольно выдохнула.

Изаму подошёл ко мне. Положил ладонь на лоб, удовлетворённо кивнул.

– Знала бы ты, какой переполох устроила. Все бегут, кричат, руками машут. Поначалу подумали, что ты совсем рехнулась. Ночную молитву не все выдерживают. А тут Мия… Плачет, слёзы ладошками размазывает и твердит: «Прогнала цуми, прогнала цуми. Меня спасла».

– Где она? – спросила я. – С ней всё нормально?

– Нормально, – кивнул он, доставая из кармана своего халата стеклянный пузырёк с зелёной жидкостью.

Потом вынул из тумбочки пиалку и налил туда содержимое пузырька. Сжал руку в кулак, подул на перстень. Красный камень вспыхнул огоньком, который тут же скатился в пиалку. В воздухе запахло мятой, сизый дымок поднялся к потолку.

– На, всё до дна.

Пиала оказалась в моих ладонях. На мгновение в зелёном зеркале воды отразилось моё лицо. Длинная чёлка, высокие скулы, прямой нос, верхняя губа со шрамом. Монголоидный разрез глаз. Не страшная, но и не красотка. Обычная девчонка родом откуда-то из Азии. Пятнадцати или шестнадцати лет, не больше. Это я прикинула с учетом того, что азиаты далеко не всегда выглядят на свой возраст.

И ещё.

Это лицо никогда не было моим.

Я зажмурилась и выпила лекарство. Обожглась и закашлялась.

Изаму похлопал меня по спине.

– Спокойно. Что бы там учителя ни говорили, с такой подранной рёку я тебя отсюда не выпущу. Будешь заниматься тут.

На глазах выступили слёзы. Я утёрла их тыльной стороны руки.

– Спа… Спасибо.

– Кушай – не обляпайся, – хмыкнул он.

На мгновение показалось, что целитель не просто обо мне заботится, но и мстит Коджи. Не открыто и глупо, а так – со змеиной элегантностью. Я сделала пометку, что надо бы разобраться в отношениях местных… взрослых?

– На обед пойдёшь через час, – тем временем продолжил Изаму. – Лекарство принесут. Аска, хватит хлопать глазами. Не дури так больше. Если приедут смотрители, а ты будешь скакать голой по лесу, заберут и с концами.

– Я не скакала голая, – буркнула я, поправляя одеяло. Почувствовав взгляд собеседника, невозмутимо пояснила: – Плыть в одежде было невозможно. Я бы запуталась раньше, чем смогла оттолкнуться от берега.

Теперь уже Изаму смотрел на меня так, как до этого Коджи. Будто происходило что-то такое, чего раньше никогда не было.

В это время в дверь постучали. Мы одновременно подняли головы. У входа топтались Мисаки и Харука, не решаясь войти.

– Целитель Изаму, вы говорили, что можно… – начала первая.

Он кивнул, давая знак заходить.

Девочки шустро проскользнули в палату. У обеих в руках были какие-то котомки.

– Я сказал им собрать твои вещи, – обронил он. – Не будешь же кутаться в одну простыню всё время.

Я крякнула. Действительно, очень разумно.

– Спасибо, целитель.

Изаму махнул рукой и оставил нас.

Харука и Мисаки тут же плюхнулись на кровать и сгребли меня в охапку. Получилось не очень, но, придушенная, я пискнула от неожиданности. Обнимали искренне и от души.

– Ну ты нас и напугала! – выпалила Мисаки.

Черты её лица были мягче, чем у Харуки, а волосы отливали тёплым каштановым оттенком.

– Думали, конец нашей Аске, когда увидели вещи на берегу реки, – мрачно добавила Харука.

Только сейчас я заметила, что она одета в черное, и от этого лицо кажется бледнее, чем на самом деле. И волосы у неё прямые и жесткие, черные пряди повыскальзывали из узла на затылке. Она сразу была в чёрном? Видимо, я просто тогда не обратила на это внимание, когда только пришла в себя в храме.

– Как видите, ваша Аска не закончилась, – хмыкнула я.

Несколько секунд они смотрели на меня, а потом расхохотались.

– Коджи чуть в ящик не сыграл, – фыркнула Мисаки. – Думала, он разнесет всю школу, когда узнал, что тебя оставили на всю ночь в храме.

– А нашей пагоде без крыши хоть бы хны, – кивнула Харука.

Так, кажется, пагода без крыши – это я. Лестно, спасибо, подружки дорогие.

– Ты хоть помнишь, что там было? – с интересом спросила Мисаки.

– И как ты услышала Мию? – тихо добавила Харука.

Судя по тому, как обе замолчали, ожидая от меня ответа, учитель Коджи и Изаму свою реакцию на мои поступки не разыгрывали. И это плохо. Очень плохо. Значит, я отчебучила что-то такое, что здесь не считается нормой. Пусть это не мой мир, но везде есть незыблемое правило: не высовывайся.

– Не помню, – хрипло сказала я.

Они переглянулись.

– Совсем? – уточнила Мисаки и побледнела. Я покачала головой.

– Так… – Харука встряхнула волосами, ещё несколько прядок выскользнуло из прически. – Спокойно. Разум ты однозначно не потеряла. А память со временем вернется.

– Ты уверена? – уточнила я.

– Учительница Тэхико врать не станет, – отрезала Харука. – Просто ночная молитва… Аска, да как тебя угораздило? – неожиданно взорвалась она. – Тебя же предупреждали! Просили заткнуться! Не смотри на меня, как на вылезшего из сточной ямы цуми! Ты же знала, чем это закончится!

Мисаки положила ей руку на плечо, но Харука резко сбросила её и отвернулась.

– Тише, ты же знаешь, что Аска сейчас сама не своя, – мягко произнесла Мисаки. – Она явно не думала, что сказанное повлечёт за собой такие последствия.

– А что сказала-то? – ухватилась я за ниточку.

На меня одновременно посмотрели обе девушки.

– Что клан Шенгай жив. И ты готова сказать это в лицо самой Плетунье, – бесцветно уронила Харука.

Глава 2

И, кажется, я договорилась.

За окном была глубокая ночь. В палате знатно похолодало. После ухода девчонок я начала было перебирать свои вещи, но почувствовала накатившую слабость и в результате всё время до ужина провела в кровати.

Состояние было отвратительное, голова кружилась, меня тошнило – весь набор.

Изаму, заглянувший ко мне, всплеснул руками, снова сказал что-то вроде: «Нельзя так с рёку!» – опять напоил каким-то лекарством и велел лежать.

Есть не хотелось, веки сами сомкнулись, и я отрубилась.

Проснулась через несколько часов, когда кругом была тьма. Трещали цикады, ветер играл с листвой деревьев, где-то лаяли псы.

Я находилась на тонкой грани между сном и явью. Вроде бы всё осознавала, но в то же время не могла обрести чёткость мыслей.

Откуда-то донеслись щелчки, потом звук, словно задевают натянутые нити, и… тихий смех.

Голова пошла кругом, очертания палаты начали расплываться.

Кто-то начал смеяться-нашёптывать:

Клан Дзэ-у считает звёзды,

Клан Шенгай играет в грозы,

Клан Юичи – вестник света,

Клан Икэда – это небо.

Вдоль моего позвоночника пронеслась обжигающая волна.

Я знаю эти строки.

Давно-давно, в детстве, когда в камине потрескивал огонь, в комнате пахло сладко и душно, а тёплая рука матери касалась моей щеки, звучал этот стишок.

Я резко села, и тут же тело подхватил ледяной ветер.

От стен палаты вмиг ничего не осталось. Пол растаял, кровать рассыпалась белой пылью.

Меня окружала непроницаемая тьма, густая и жутко чернильная. Сердце заколотилось как бешеное, горло сдавило. Я схожу с ума? Или лекарства Изаму действуют совсем не так, как хотелось бы?

Тьма вспыхнула тысячами мелких искорок, закружившихся в безумном танце. Спустя пару секунд я сообразила, что под ногами хоть и ничего нет, но стою будто на твёрдой поверхности.

А ещё там внизу простирается тёмный лес, синие верхушки елей смотрят прямо в небо, а загнутые крыши пагод будто замерли в безвременье. Высокая стена с башнями частично огораживает здания от леса, но далеко не везде. Здания… в них явно живут, но что-то подсказывает, что это не просто для семей, это…

«Школы! – вспыхнула догадка. – Это такие же школы, как и наша Годзэн!»

А ещё это место называется Граница. Точно знаю, Граница. Та самая, на которую, по словам Изаму, меня мог бы отправить Коджи.

За спиной раздались щелчки.

Я обернулась.

В нескольких шагах стояла фигура, закутанная в лиловый плащ. Плащ словно плели тысячи пауков из переливающихся светом нитей. Можно было лишь угадывать очертания фигуры, но при этом не удавалось рассмотреть как следует.

Лицо скрывал капюшон, черты можно было увидеть только частично. Откуда-то взялась уверенность, что это женщина. Она настолько красива, что можно отдать богу душу. Она настолько безобразна, что ею пугают детей.

Её руки не скрывает плащ, пальцы непропорционально длинны, из их кончиков тянутся длинные нити, которые падают куда-то в темноту. Но если присмотреться, можно увидеть между пальцев металлические спицы. Именно они перекидывают нити и каждый раз щёлкают, соприкасаясь друг с другом.

От этих щёлчков по спине пробегают мурашки, а дыхание застревает в лёгких. Потому что ничего человеческого в этом существе нет. Оно красивое и в то же время чудовищное. Прекрасно холодной красотой звёзд и ужасно чернотой бездны, из которой никогда не выбраться.

Хозяйка Судьбы, Повелительница дорог без конца и начала.

Та, кто говорила со мной прошлой ночью.

Плетунья.

Ноги сами подкосились, и я рухнула на колени, склонившись перед богиней.

Она бесшумно приблизилась.

– Встань, дитя моё, – произнесла Плетунья странным, ни на что не похожим голосом: смесь звона колокола и эха подземелий. – Я не сержусь.

Нити-пальцы коснулись моих волос, порыв ветра принёс запах мороза и сырого мяса. Плоти Плетуньи не было видно сквозь одежду, но если раньше и было любопытство, то теперь оно исчезло. Я не хочу знать, как выглядит Плетунья без своего плаща из паутины.

Не хочу знать, что оно такое.

Я медленно подняла голову и посмотрела на богиню. Угрозы не чувствовалось.

Она качнула головой, складки капюшона колыхнулись. На мгновение вспыхнули раскалёнными углями нечеловеческие глаза.

– Встань, – повторила она.

Я поднялась на ноги, не отводя от неё взгляда.

– Мне можно задавать вопросы?

– Ты уже их задаешь.

Да, неловко получилось.

Расценив это как одобрение, я глубоко вдохнула и выпалила:

– Кто я?

Тихий смешок, и нити, словно змеи, заструились по пальцам Плетуньи.

– Ты – Аска из клана Шенгай, девица шестнадцати лет, бесприданница, одиночка. Ты не умеешь следить за языком, поэтому постоянно куда-то влипаешь. Ты – пагода без крыши.

Совсем не тот ответ, на который я рассчитывала. Однако это немного лучше, чем ничего. Плетунья это прекрасно понимает, но играет, как кошка с мышкой. Это бесит, но в то же время я осознаю, что однажды уже договорилась до ручки.

Она начала неторопливо обходить меня по кругу. Медленно, шаг за шагом, будто пыталась изучить со всех сторон.

– Ты обижена на всю Тайоганори, считая, что империя забрала твою родню. Ты довела до белого каления своего куратора, похваляясь, что сможешь высказать в лицо Плетунье, то есть мне, всё, что думаешь. А ещё…

– Ещё? – эхом повторила я, не смея сделать ни вдоха.

– Ты умерла.

Я широко распахнула глаза, пытаясь осознать услышанное.

– Умерла там, далеко-далеко, – продолжила Плетунья. – В другом мире, куда не добраться вовек. Погибло твоё тело, но дух оказался силён. В то время как здешняя Аска о силе духа только слышала да растрачивала свою рёку как попало.

Умерла. Умерла. Умерла.

Воспринять это не получалось. Слова звучали – смысл не доходил. Сложно поверить, что ты мёртв, если дышишь, чувствуешь, мыслишь. Так… эмоционально я это переварю потом.

– Что такое рёку? – всё же выдохнула я. – И кто я?

– О себе ты узнаешь потом, – хмыкнула она. – Когда выполнишь свою миссию. А рёку…

Светящиеся нити поплыли по воздуху, коснулись моего запястья. Кровь будто вспыхнула огнем, меня бросило в жар. Кожа словно стала прозрачной, я четко увидела рисунок вен, светящийся фиолетовым.

– Рёку – это дар, Аска, – произнесла Плетунья. – Сила, которую можно и нужно использовать членам кланов. Только делать это надо с умом, а не как некоторые.

Я завороженно смотрела, как фиолетовый свет сиял всё ярче. Тело становилось легче, захотелось смеяться от переполнявшей меня силы. Казалось, я просто могу шагнуть – и окажусь у горизонта. А потом, рванув кометой, вернусь в мгновение ока.

Всё под силу. Всё получится!

Физически ощущалось, как рёку клубится и сверкает потоками бесконечной энергии.

Плетунья коснулась моего запястья ледяной спицей. Сила вмиг схлынула, оставив дикое опустошение. Я покачнулась, но устояла.

– Такой она может быть, Аска. Но для этого нужны тренировки и опыт. То, что даётся легко, не ценится.

Не дожидаясь моего ответа, она ткнула рукой в сторону.

– Смотри!

Прямо за лесом всё было залито вязкой тьмой. Но потом я разглядела красные всполохи. Они появлялись и исчезали, подвластные какому-то неведомому ритму. Красный цвет казался странно мерзким, отталкивающим.

Плетунья оказалась за моим плечом. Обожгла ледяным дыханием шею.

– Это цуми, Аска. Задача воинов Тайоганори – защищать Границу и не пускать цуми к людям. Задача школ – научиться уничтожать цуми.

– Или умереть? – отозвалась я, нахмурившись.

– Или умереть. В школы попадают те, кого некому защитить. Те, кому некуда пойти. Но кто ещё не потерял честь и гордость и мечтает быть полезным своему клану. Или же просто народу империи.

– Какое-то не слишком гуманное обучение, – заметила я.

Плетунья не ответила, видимо, решив, что это её не касается. Так и стояла рядом. Спине было холодно. Потому что совсем близко находилось существо, рожденное неведомо каким образом. А сама я висела в воздухе среди сияющих звёзд.

– Те, кто не входит в клан, – лишняя нагрузка для империи, – снова заговорила Плетунья. – В школе почти все такие. Поэтому тут игра не на жизнь, а на смерть. Сможешь уцелеть – получишь регалии назад. Нет, значит, нет.

Странная система. Так с ходу не разобраться.

Черно-красное нечто внизу вздыхало, перекатывалось огромной волной, словно единый организм.

Я передёрнула плечами. Цуми – грех. И не удивлюсь, если у этих тварей есть не только физическое происхождение, но и ещё что-то вроде перевоплощения из людских пороков.

Нахмурившись, я покосилась на Плетунью. Мысли явно не мои. Специально вкладывает в голову?

На секунду в прорези капюшона мелькнула кривая улыбка. Богиня довольна моей сообразительностью.

Она двинулась в сторону одной из школ и поманила меня за собой. Ничего не понимая, я последовала за ней.

– Видишь ли, Аска, в отличие от своей предшественницы ты не обделена мозгами. Поэтому не разочаруй меня.

Неплохо бы только, чтобы вы, уважаемая, ещё разъяснили, что и к чему. Вроде и похвалили, но я-то прекрасно понимаю, что беспомощна как новорожденный котёнок. Совершенно не в курсе местных обычаев, правил поведения, тонкостей и… Короче, всего.

Плетунья указала на здание из белого кирпича. Даже во тьме оно было светлее других.

– Это школа Годзэн, Аска. А это… – взмах руки в направлении здания через земельный участок. – Школа Токугава. Твой главный враг – там. Сможешь обыграть его – выйдешь отсюда целой и возьмёшься за клан.

– Клан? – уточнила я.

– Клан Шенгай доверил себя одному человеку, – продолжила Плетунья, словно не услышав моего вопроса. – Поэтому твоя цель – не школа, твоя цель – получить свободу и стать полноценным членом клана.

Металлические спицы зазвенели. Она сцепила пальцы-нити, которые тут же засверкали ярко-алым.

Смотреть было больно, я зажмурилась. По щекам потекли слёзы.

Левое запястье обожгло, сдавило с такой силой, будто желало сломать кость. Я вскрикнула.

– Пф-ф-ф… Люди такие хрупкие, вечно забываю, – фыркнула Плетунья. – Ладно, вот тебе подарочек, пусть будет моё благословение.

Я с трудом шевельнула рукой, которую теперь обвивал от локтя до запястья толстый замысловатый шнур. Он вспыхнул пламенем, я взвизгнула от боли. Миг – от шнура не осталось и следа, но всю кожу покрывала сеть тонких шрамов.

– Мой кумихимо придаст тебе сил и защитит от мелких пакостей, – как ни в чем не бывало сказала Плетунья. – Взамен ты мне…

Откуда-то донесся шорох. Она прислушалась и, оставив меня, быстро направилась куда-то по мерцающей звёздами дороге.

У меня не получилось даже пошевелиться, поэтому пришлось крикнуть:

– Что взамен?

– Принесёшь голову цуми, – донесся ответ.

Ну, обалдеть теперь.

Глава 3

Проснулась я рано. Первым делом полезла разгребать вещи. Что у нас тут есть? Форма, похожая на кэйкоги – японский костюм для тренировок, пижама, тапочки. Сумочка с гигиеническими принадлежностями. И учебники. Так…

Я взяла один в руки, покрутила со всех сторон. «Управление рёку. Техника потоков». Полистала, наткнулась на совершенно непонятные

неподготовленному уму схемы и захлопнула. Так, что тут дальше… О, «История Тайоганори. Эпоха Гэдо». Это отложим, тут явно можно разобраться без риска вывихнуть мозги.

Девчонки ещё притащили брошюру по мента-листике, но там всё оказалось хуже, чем с рёку. Поэтому я взяла учебник по истории. По крайней мере, буду понимать, где нахожусь.

…Подняла голову от пожелтевших страниц я только к обеду. Сжала переносицу пальцами и прикрыла глаза, пытаясь растолкать информацию по полочкам.

Островная империя Тайоганори, в её состав входит восемьсот островов. Есть совсем крошки, есть очень приличные по территории. Император Шунске Кса-Каран, Крылатый, Наследник Огненной Крови, Благословленный Предками… и ещё тьма титулов, которые мне ничего не сказали. Судя по изображению, мужчина не старый, едва переступивший порог сорокалетия. Черты лица суровые, взгляд не прочесть.

Так, дальше что тут… Империя разделена на четыре края: Край Света, Край Гроз, Край Звёзд и Край Неба. В состав каждого края входит по пятнадцать префектур.

Я нахмурилась, пытаясь рассмотреть затёртую карту. Учебник уже повидал всякое, поэтому местами было просто не разобрать, что написано этими дурацкими иероглифами.

Книга выпала из моих рук.

Иероглифы.

Я читаю их без проблем. Прекрасно знаю, что вот эти линейные символы – слоги, вот эти с завитушками – слоги и отдельные буквы. А вот уже иероглифы – слова. И меня совершенно не смущает, что в предложениях есть и те, и другие, потому что всё прекрасно читается. Так… будто я это делала всё время.

В голове шумело. Желудок намекал, что было бы неплохо поесть. Но для этого нужно дождаться помощницу Изаму, которой он доверил приносить лекарство. И

только после этого можно пойти в столовую. Она располагалась недалеко от лазарета. Там питались все ученицы школы Годзэн. Да и учителя с работниками, как я поняла, тоже.

Хрупкая помощница целителя появилась спустя десять минут, будто почувствовав, что о ней подумали.

Я приняла лекарство, шустро переоделась в фиолетовый кэйкоги и закрутила волосы узлом на затылке. Они, кстати, были длинными. Непривычно. Пальцы замерли над непослушными прядями, так и норовившими упасть на лицо.

Раньше у меня была стрижка. Точно.

Понятия не имею, какая, но знаю, что стрижка.

Но здесь принято носить длинные волосы: то ли традиция, то ли ещё какой-то смысл.

Я вздохнула и распрямила плечи. Ладно, внешность – мелочь. Дети не пугаются – и славно. С остальным бы разобраться.

Снова вспомнилась малышка Мия. Надо бы как-то навестить её. Возможно, стоит намекнуть больше не распространяться о нашем приключении у реки. Она, конечно, ребенок, но впечатления глупышки не произвела.

Я задумчиво провела пальцами по губам. Шрам. Интересно, откуда он взялся?

Как мне дали понять, прежняя Аска особым умом не отличалась. Вероятно, куда-то врезалась мордашкой, а о последствиях не подумала.

Я покинула палату, у выхода сообщив дежурной, что иду в столовую. Пациентам, восстанавливавшим рёку, позволялось выходить туда и во дворик возле лазарета.

Солнце поднялось высоко, в воздухе стоял аромат цветущих деревьев. На минуту я остановилась, вдохнула полной грудью. Прикрыла глаза, подставляя лицо солнечным лучам. Как всё-таки хорошо… жить. Просто хорошо.

В душе будто разверзлась пропасть. Потому что там, где-то на дне, свернулся многовековой ужас. Ужас умереть и больше никогда не увидеть всего этого.

Я нахмурилась и передёрнула плечами. Что за гадости? Призраки прошлого?

Слова Плетуньи я прекрасно помнила, но падать в пучину осознания, что я где-то умерла, совершенно не хотелось.

Важнее, что происходит здесь и сейчас.

Пройдя по аккуратной, выложенной цветной плиткой дорожке, я оказалась возле столовой.

Девчонки в фиолетовых, чёрных, голубых и зелёных кэйкоги стайками направлялись к дверям. Кто-то украдкой смотрел на меня, кто-то игнорировал, кто-то и вовсе откровенно таращился.

Ко мне подошла Харука и, ухватив за рукав, потянула за собой.

– Пошли, не лови ворон. Разберут самое вкусное.

Столовая оказалась просторной и светлой. Широкие столы, где уже стояли чайники с пиалками, и простые скамейки. Скромно, но есть всё, что нужно. Ученицы подхватывали подносы, подходили к выставленной еде, набирали рис, овощи и рыбу.

Я, вытянув шею, рассматривала ассортимент. Тоже без выкрутасов, но голодной не останешься. О, кажется, тут ещё стоят кувшинчики с соевым соусом. А жизнь становится лучше. Соус любое блюдо делает вкуснее.

Я потянулась за кувшинчиком, и тут за спиной засмеялись. Зло так, гадко.

– О, посмотрите, кто выполз! Как-никак сама великая героиня школы Годзэн! Аска, чего стоишь к нам задницей?

– Она считает, что мы недостойны лицезреть её сияющий лик! – захихикал кто-то. – Она же болтала с самой Плетуньей! А потом шлёпнулась в обморок у реки!

Я спокойно полила соусом рис, поставила кувшинчик на место и повернулась.

Их было четыре.

Все сухие жилистые девицы с намерениями, далёкими от миролюбивых. Одна высокая, вторая больше похожая на подвижное пламя, ещё одна… без определённых отличительных знаков. Перед ними стояла, судя по всему, главная. Ростом как я, одета в черный кэйкоги. Волосы собраны в высокий хвост, в них вплетены красные нити. Тонкий пояс, перехватывающий талию, тоже красный. В руках – сложенный веер, которым она мягко похлопывает по ладони. И есть странное ощущение, что этот веер не столь безобиден, как кажется со стороны.

Она смотрела на меня, чуть прищурившись. Будто прикидывала, как побыстрее прихлопнуть надоедливое насекомое и пойти дальше. Хотя… э, нет. Не быстро. Ещё не откажется немного поиздеваться.

Я разозлилась. Аска, дурында, ты себе ещё врагов умудрилась понаживать?

– Ну что молчишь? – ласково спросила она. – Забыла нас, не зашла поведать про успехи.

Я быстро соображала. Что бы там ни натрепала бывшая хозяйка этого тела, надо выкручиваться. Мне, откровенно говоря, хочется есть. И ни капли не хочется выяснять отношения. Но девицы вчетвером. И зорко следят за каждым моим движением.

Ученицы будто специально отошли, освобождая место. Опасаются попасть под горячую руку? Или хотят посмотреть, как будут лупить меня?

В том, что на меня никто не ставит, сомневаться не приходилось.

– Болею, – невозмутимо ответила я. – Вся школа знает, что я в лазарете. А вот посещения больных не запрещены.

– Сату, она издевается, – заметила высокая. – Кажется, и правда все мозги растеряла, когда стукнулась головой о пол в храме.

– А они там были? – загоготала та, что стояла за спиной.

Сату прищурилась, раздражённо стукнула веером по ладони.

Бесит. Её бесит факт, что посмели перечить. Дай угадаю, негласный лидер школы? Из тех, что считает себя выше других?

– Аска, посещать я тебя буду, только если победишь меня в бою. И то, если будет скучно. За свои слова надо отвечать.

И без предупреждения ударила по подносу, так что еда опрокинулась на мой кэйкоги. В следующий момент кулак полетел в челюсть. Я пригнулась, выбросила ногу вперед, врезав Сату по коленной чашечке. Девчонка взвыла и отшатнулась, на меня кинулись скопом. Кому-то прилетело подносом по голове, кому-то – локтем в солнечное сплетение.

Собравшиеся вокруг загомонили, поднялся шум. Что-то пошло не так.

Перед моим лицом резко раскрылся красный веер. Сверкнули заточенные металлические рёбра, к которым крепилась бумага. Не успей я отклониться – осталась бы без половины лица.

– Убью! – прорычала Сату.

Я ударила её по запястью, выкрутила руку – веер выпал. Кулаком заехала в физиономию.

Кто-то ухватил меня за волосы и больно дёрнул. Я зашипела, на глазах выступили слёзы. Кулак высокой девчонки впечатался в мою скулу. В голове зазвенело.

– Эй! Сдурели там? – донесся вопль Харуки.

Она буквально врезалась в драку, отпихивая свиту Сату.

– Прекратить! – раздался ледяной голос учителя Коджи.

Через секунду мои волосы отпустили. Перед глазами всё немного плыло. Удар у этой дылды нешуточный.

Лицо Коджи было непроницаемо, но по взгляду было ясно – учитель в бешенстве. Впрочем, его можно понять. Вместо того чтобы спокойно принимать пищу, ученицы устроили драку. Я бы сама не одобрила. Другой вопрос, что не я начала. Видит Плетунья и все, кто тут выполняют обязанности богов, я пришла сюда просто пообедать. Рыбу, кстати, жалко.

– Сату, Аска, ко мне в кабинет. Немедленно! – бросил он, развернулся и вышел из столовой.

Хм, то есть прихлебательниц не позвал. Это специально или с ними потом поговорят?

Сату, к её чести, ничего не сказала. Только зыркнула на меня, подтянула пояс, вытерла кровь из разбитого носа и гордо последовала за учителем.

Я грустно посмотрела на испачканный кэйкоги, на испорченный обед и, вздохнув, пошла за ней. Правда, успела глянуть на Харуку. Та сжимала кулаки и явно была не против начистить клювы подружкам Сату, но понимала, что не время. Куда она, кстати, отходила? Или просто замешкалась, пока я изучала выкладку с едой?

Свита Сату хмурилась и осматривала ушибы. Шустрая девчонка болезненно морщилась и потирала голову. Ага, вот на кого приземлился мой поднос.

Ладно, переживём.

Мы молча шли по коридору. Коджи не оборачивался. Будто прекрасно знал, что мы никуда не денемся.

Сату на меня не смотрела. В то время как я не упускала возможности изучить врага. Где могла Аска перейти ей дорогу? Или же всё куда проще, и моя предшественница была просто девочкой для битья? Такое частенько случается в

школах, когда находят козла отпущения.

Изнутри медленно поднимался гнев.

Теперь у них с козлом будут проблемы. Молчать и кланяться я не собираюсь.

Эта уверенность немного озадачила, поэтому едва не пропустила, как Коджи вошёл в кабинет слева.

Обстановка более чем скромная: шкафы со свитками, книги, бумаги, чернильница из панциря черепахи, несколько черных кристаллов на столе. На стене висит карта и какие-то схемы и графики. Подойти бы и посмотреть, но есть риск получить по голове теперь от учителя.

Коджи прошёл к столу, оставив нас у дверей.

– Ну и? – спросил он, не оборачиваясь. – Что произошло?

Глава 4

Мы с Сату стояли молча.

Она смотрела на свои ноги, я – украдкой разглядывала кабинет. Интересно, это самого Коджи? Или тут есть кто-то ещё?

Конечно, есть. Вон в уголке ещё один стол расположился и стул. На столе тоже письменные принадлежности, друза кристаллов и сложенные горкой свитки. Так всё чисто, очень сдержанно, сразу ясно, что хозяин этого места – человек, привыкший вести аскетический образ жизни.

Сату молчала, а мне… что? Жаловаться? Так у учителя такой взгляд, что как-то мигом хочется заткнуться. Кажется, Аска уже не первый раз куда-то вляпывается. А неудачников никто не любит.

Поразмышлять над мотивами поведения Аски времени толком не было. Хотя бы потому, что я не представляла, каким она была человеком. Так только… какие-то обрывки, разговоры подружек да вот теперь – драка в столовой.

Я невольно глянула на свой кэйкоги. Такую вещь запачкали. И есть, между прочим, по-прежнему хочется. Безобразие. Ну кто устраивает драку на голодный желудок? И продукты перевели, и удовольствия не получили. Тьфу.

– Драка, учитель, – наконец-то произнесла Сату.

Слова явно ей давались с трудом, но затягивание молчания было не к добру. Это почувствовала даже я.

– Как мило, что ты это признаёшь, – чуть иронично заметил Коджи, повернувшись к нам. – С каких пор, ученица Икэда, кидаться вчетвером на одного стало достойно воспитанницы школы Годзэн?

Когда прозвучала фамилия, Сату вздрогнула, как от пощёчины. Её глаза вспыхнули гневом, а губы сжались в тонкую линию. Сейчас, казалось, в помещении резко подскочила температура на несколько градусов, словно красные ленты в волосах и пояс Сату загорелись белым пламенем.

Что такого сказал Коджи? Ведь вижу же, что взорвало её не ата-та за плохое поведение. По-моему, она и не особо раскаивается, что они вчетвером кинулись на меня. Фамилия… с ней что-то не так.

В голове будто эхом прозвучало: «…клан Икэда – это небо».

Я нахмурилась, пытаясь увязать одно с другим.

– Аска знает свою вину, – медленно произнесла Сату. – И должна была понимать, что оскорбление ей никто не простит.

Так, что ляпнула эта коза?

У меня зачесалась икра, но я скрипнула зубами. Терпеть. Терпеть и изображать из себя фиалку, авось и пронесёт. Пусть сейчас и распекают Сату, но на меня

тоже смотрят без одобрения.

– Что-то часто вы оскорбляете друг друга, – тем временем заметил Коджи. – Уже в привычку входит, не находите?

Так, значит, стычки постоянные. Надо быть начеку. Недоброжелателей у меня тут явно больше, чем друзей.

– Она заслуживает, – холодно сказала Сату.

– Кто чего заслуживает, решать не тебе, ученица Икэда, – ответил Коджи так, что мне захотелось попятиться, а Сату опустила взгляд, признавая, что была неправа. – В школе Годзэн все равны. Выяснять, чей клан сильнее и могущественнее, не только странно, но ещё и глупо. Будь ваши кланы такими, как говорите, вы бы не стояли сейчас передо мной здесь.

На этот раз Коджи очень внимательно посмотрел на меня. В тёмных глазах был немой укор. Кажется, ему было несколько жаль, что мне прилетело по голове, но при этом никаких послаблений он давать не собирался.

– Аска, тебя тоже это касается, – прозвучал его голос. – Особенно тебя. Прежде чем молоть языком, думай головой.

– Да, учитель, – нашла я самый нейтральный вариант ответа.

Кричать: «Да что я такого сделала?» явно было сейчас неуместно. Логически объяснить не получалось, но интуиция подсказывала не выпендриваться.

Коджи сел за стол, прикоснулся к одному из чёрных кристаллов. Тот вспыхнул белым светом и тут же погас. Это что такое ещё? Какие-то неведомые в моём прошлом вещицы?

– Через час отправитесь расчищать склад, – сказал он с совершенно невозмутимым лицом. – Я оповестил завхоза, за вами придут.

Сату еле слышно застонала.

– Опя-я-ять…

– Судя по твоему поведению, без склада ты не можешь, – заметил Коджи. – Следовательно, будешь там проводить время постоянно.

Сату скрипнула зубами и бросила на меня яростный взгляд.

– Да-да, – продолжил Коджи, – в паре с Аской. Там одной не справиться с ящиками, поэтому работа в паре как раз то, что надо.

– В паре? – эхом отозвалась я.

– В паре, – елейно подтвердил Коджи. – Заодно поучитесь смирять гнев и думать, прежде чем что-то делать. Труд и смирение. Обеим понятно?

Во взгляде Сату ясно читалось: «Я тебя убью». Уголок моих губ непроизвольно дрогнул в улыбке. Попробуй только, стервоза. Там твоих подружек не будет.

Но от Коджи это не укрылось, хоть он и просматривал в это время один из свитков.

– Надумаете устроить драку – всех богов ради. Только потом не жалуйтесь, что окажетесь в лесу у логова цуми.

Что-то было в его тоне такое, что я поверила сразу. Возьмёт обеих за шкирки как котят и вышвырнет. Сату это тоже поняла, поэтому только хмуро кивнула.

– Свободны, – бросил он.

Некоторое время мы стояли в тишине, но потом сообразили, что надо идти. Я вышла первая, Сату направилась следом.

– Ученица Икэда, – донесся голос Коджи.

Мы вместе невольно замерли. Сату обернулась.

– Да, учитель Коджи?

– Сдай свой тэссэн. Немедленно.

Она сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Но, учитель…

– Ты будешь мне перечить?

Сату снова опустила взгляд.

Я не стала дожидаться, что будет дальше. Увиденного было достаточно, чтобы понять: тэссэн, боевой веер, для неё имеет особую ценность.

* * *

– Что, так и сказал сдать? – вытаращилась на меня Мисаки, позабыв про недонесённый до рта рис.

Я кивнула. Наконец-то удалось добраться до еды, правда, пришлось нестись за вещами, чтобы переодеться. И на такой же скорости гнать назад. Слава богу… или этой, как её… Плетунье, Мисаки и Харука дождались меня. Заодно и оставили еду. Поэтому сейчас я уплетала всё за обе щеки, едва не мурча от удовольствия.

– Приказал. Она была против, но… – продолжила я.

– Ещё бы, – фыркнула Харука. – Этот веер перешёл к ней от матери. Точнее… был подарен до того, как все Икэда…

– Что Икэда? – тут же спросила я, внимательно посмотрев на подругу.

– Мёртвый клан, – ответила за неё Миса-ки. – Клан, который никогда не вернётся в Тайо-ганори. Сама же знаешь.

– Но Сату из него? – ляпнула я.

Девчонки посмотрели на меня как на ненормальную.

– Аска, ты меня пугаешь, – протянула Ха-рука. – Ещё скажи, что всё забыла.

Повисла тишина.

Мисаки попыталась поймать мой взгляд.

– Аска? – напряжённо произнесла она. – Ты что? И правда, не…

– Не, – коротко ответила я, понимая, что нельзя упускать возможность разобраться. – Посещение храма богини меня лишило части воспоминаний.

Где-то в глубине сознания раздался тихий смех Плетуньи. Конечно, очень весело. Но у меня других способов разобраться нет. Поэтому будем работать с тем, что есть.

Харуке явно не нравилась моя амнезия. Однако, поколебавшись, она всё же сказала:

– Из четырёх кланов Тайоганори сейчас осталось два: Дзэ-у и Юичи. Клан Икэда уничтожен. Такие, как Сату, всего лишь выжили по непонятному стечению обстоятельств. Но домашний храм Икэда обращён в пепел. Главы и жрецы – тоже. Остались те, чьи судьбы не интересуют империю, если только… Если только они сами не выцарапают себе место под солнцем после окончания школ. Сату некуда идти, она, считай, бездомная. Потому и оказалась в Годзэн.

Я переваривала информацию.

Два клана осталось, один – истреблён. Но я прекрасно помню про клан Шенгай. Интересно, что про него скажет подруга?

– А… – начала я.

В этот момент в столовую влетел Изаму.

– О, Мочи-мочи примчался, – пробормотала Мисаки.

Мочи – это, если не ошибаюсь, японский рисовый пирожок. Прозвище целителю подходит идеально. Губы сами потянулись в улыбке, когда рядом оказался запыхавшийся Изаму.

– Аска! Тебя пускать никуда нельзя! – воскликнул он. – Подумать только, поесть не может нормально! Не успела отойти, как уже вляпалась в наказание! Скажи, на милость Плетуньи, как тебя угораздило?

– Не виноватая я, они сами пришли, – буркнула я, быстро собирая палочками овощи и оставшиеся рисинки.

– Они уже отметились в лазарете, – ехидно отметил Изаму. – Но это не ответ.

И вдруг с неожиданной силой выдернул меня из-за стола, не дав даже пикнуть.

Харука и Мисаки так и остались на своих местах, наблюдая за нами округлившимися от удивления глазами.

– Куда вы меня тянете? – возмутилась я, пытаясь успевать перебирать ногами, но выходило весьма посредственно.

В круглом и на вид безобидном целителе крылась недюжинная сила. Меня попросту, как кутёнка, притащили за шкирку в коридор. До кабинета Коджи не успели – сам учитель как раз из него вышел.

– Я требую объяснений, – заявил Изаму. – С каких это пор мои подопечные подвластны наказаниям?

Я покосилась на него. Ого. Кажется, он из рода тех докторов, которые дадут прикурить и цуми, если тот вздумает покуситься на его пациентов.

Однако Коджи тоже оказалось не взять так просто. Не изменившись в лице, он посмотрел сначала на Изаму, потом – на меня.

– В чем проблема? – поинтересовался он невозмутимым тоном. – Никто не мешает вам лечить учениц. Разве что вы её уже вылечили, раз так резко идёт на конфликт.

– Но… – возмущённо начала я.

Изаму наступил мне на ногу с такой силой, что я чуть не взвыла и благоразумно заткнулась. Кажется, меня не хотят слышать, значит… Разумно будет помолчать.

– Учитель Коджи, рёку Аски высосет все силы, если будет серьёзная физическая нагрузка. Я требую отсрочки наказания, – не смутился Изаму.

– Насколько мне известно, угрозы жизни нет, – не сдался Коджи. – А что придется приложить больше усилий, так на пользу пойдёт. Или вы, целитель, хотите, чтобы ей язык укоротили смотрители императора?

Изаму побледнел.

Кажется, эти смотрители не слишком приятные ребята. Внезапно склад показался весьма милым местом, хоть я там ни разу и не была.

Коджи улыбнулся. Да уж, такой улыбкой можно перерезать глотку врагу, не то что показать, что не стоит противоречить.

Попытка защитить меня провалилась.

…Я стояла возле деревянного здания, напоминающего огромный сарай, и почему-то не решалась войти. Почему-то казалось, что идти туда не стоит. Ещё не страх, но такое настойчивое предупреждение.

Неужто там кто-то затаился?

За спиной послышались шаги. В поле зрения появилась Сату. Она тоже смотрела на склад. Взгляд был задумчивый и мрачный.

– Я ненавижу тебя, Шенгай, – глухо сказала она. – Настолько, что ты даже не представляешь. Берегись.

И зашагала вперед, приблизившись к двери и резко открыв её на себя.

«Будет весело», – философски отметила я и двинулась следом.

Значит, Шенгай.

За дело, Аска Шенгай.

Глава 5

Коджи оказался весьма изобретательным мерзавцем и растянул наше наказание на неделю. За это время мы порядком пропылились, поперета-скивали кучу барахла в виде учебных пособий, книг, папок, бумаг и прочей ерунды и даже стали не так друг друга бесить, как раньше.

Всё воспринималось с немой безысходностью. Надо – значит, надо. Сату злилась. На меня, на учителя и, не будет неправдой, если сказать, что на саму себя. Ведь, в конце концов, навалять дурёхе Аске можно было где-то в более тихом месте.

А так получается прокол. Да ещё какой. Однозначными победительницами она с подругами не вышла. По какому-то странному стечению обстоятельств ей оказали сопротивление.

Жаль только, я пока так и не разобралась, могла ли Аска постоять за себя или нет. Тут нужно время. Беда, что неясно, сколько у меня его есть в принципе.

Утро начиналось с разминки. Мы выходили на площадку перед школой и работали вместе с учителем Аю, которая показывала чудеса гибкости и выносливости человеческого тела. Потом завтракали в столовой и отправлялись на занятия. История, география, математика, каллиграфия, менталистика (в которой я безнадёжно тупила) и техника рёку. Два последних предмета были новыми и непонятными. Но пока меня проносило. Удавалось молчать и не

высовываться, а учителя пока что давали только теорию.

Выяснилось, что рёку – некая внутренняя сила, при помощи которой можно управлять разными физическими процессами, прикладывая только ментальные усилия. Тогда Плетунья сказала об этом, но я далеко не всё поняла. А потом начиналась беда номер два – менталистика. Которая учила, как собрать мысли в кучу и поверить, что можно, например, возвести силой мысли невидимую стену, через которую никто не пройдёт.

Получалась какая-то магия, с которой я ближе книг и фильмов в прошлой жизни не сталкивалась. Что интересно, я прекрасно понимала из прошлой жизни, что такое фильм, но вот своё имя и личность… никак.

Не давала покоя мысль, что я вспомню всё это ровно в тот момент, когда будет угодно Плетунье. А Плетунья явно себе на уме. Да к тому же я не забыла, как мне велели принести голову цуми. Интуиция подсказывала, что это было сказано не ради красного словца, поэтому надо шевелить мозгами.

После занятий был обед, передышка и возможность позаниматься ещё, а потом нас с Сату ждал склад. Работа не была феерически тяжёлой. Просто монотонной и выматывающей. Но для меня ещё и интригующей. Например, когда один ящик буквально рассыпался в моих руках и оттуда грудой высыпались обожжённые глиняные таблички с иероглифами.

– Нас послали убирать, а не сорить, Аска, – насмешливо заметила Сату.

Но… когда подошла ближе, то нахмурилась, разом позабыв о том, что язвила.

Иероглиф на каждой табличке мягко сиял лиловым светом. Мы присели, внимательно изучая свою находку.

Я взяла ближайшую табличку, покрутила в руках. Провела указательным пальцем по резким чертам – кожу немного закололо.

– Не лезь, – прошипела Сату, выдохнув через нос. – Откуда мы знаем, что это? Я даже сюда чувствую, что они под завязку наполнены рёку.

Я прислушалась к собственным ощущениям. Странно, ничего такого не ощущаю. Интуиция не вопит, желания отшвырнуть эти вещицы подальше нет. Наоборот, тянет рассмотреть получше. А ещё странное ощущение, что рисунок шрамов на моей руке, оставленный от кумихимо Плетуньи, дрогнул и шевельнулся.

Я тут же натянула рукав кэйкоги. Если Сату что-то заметит – вопросов не оберешься.

– Ну, рёку, – произнесла я, чтобы хоть как-то разбить окутавшую всё напряжённую тишину. – И что?

Сату посмотрела на меня как на идиотку. Смотри-смотри, главное, не забудь показать, какая ты умная.

– Ты и правда больная на всю голову, – плюнула она. – Этим пользуются оммёдзи и колдуны, когда призывают духов. И чем темнее цвет сияния иероглифов, тем злее дух. К этим штукам лучше не прикасаться без проведения специального ритуала. Иначе можно потом никогда не стать прежним человеком.

Ну, это для меня не новость. Не исключено, что до похода к Плетунье Аска уже куда-то совала нос. То бишь, напугать ежа голой зад… в смысле, магическими штучками уже не выйдет.

Я покосилась на таблички. Ну… могло быть и хуже. Не чёрный и не фиолетовый всё же.

– Допустим, – не стала отрицать я. – Но тогда скажи на милость, что эти вещицы делают тут, на складе школы Годзэн?

У Сату не было ответа. К тому же хоть она и говорила, что их не стоит трогать, сама явно разрывалась между желанием потрогать табличку и попыткой остаться в стороне.

Мой вопрос, судя по её выражению лица, попал в цель.

Надо будет ещё разобраться, кто такие эти оммёдзи и чем занимаются. Сату вот явно верит в их силу. Духи… кто его знает… Боги существуют, цуми эти тоже.

Следовательно, и духов может быть понапичкано на каждом углу. Не то чтобы меня радовала эта логическая цепочка, но, во всяком случае, картина мира прояснялась. Кроме людей, в Тайоганори живёт полным-полно всякой пакости. И разобрать, какая полезная, а какую стоит уничтожать, не приближаясь, так просто не выйдет.

Внезапно из тёмного угла раздалось рычание. Тлеющими углями вспыхнули чьи-то глаза, и воздух наполнился запахом горелой плоти.

Мы с Сату мгновенно подобрались. Проскочила слабая надежда, что появившаяся тварь передумает вылезать, и мы успеем сделать ноги. При этом я прекрасно понимала, что тут надо либо пулей выскакивать в дверь, либо замереть. Если мы с Сату рванём одновременно, то, скорее всего, столкнемся у выхода и потеряем драгоценные минуты.

– Ты кого вызвала, дура? – шепнула Сату, не отводя взгляда от того, что пряталось в темноте.

– От дуры слышу, – не осталась я в долгу. – Или думаешь, оно мне потихоньку представилось?

Сату поджала губы. Видимо, призывала на мою голову все кары небесные. Цуми с ними, с карами! Сейчас важно всё сделать правильно.

Мой лоб покрылся испариной. Итак… мы не знаем, какого оно размера, что умеет и с какой целью вылезло. Чем его бить в случае агрессии – неведомо тоже. Короче, в нашем милом уравнении имеется дофига неизвестных, и как их состыковать вместе и найти какое-нибудь решение, мне пока непонятно.

Сату бросила взгляд в сторону двери. То ли не блистала храбростью, то ли таки имела мозги, понимая, что лучше удрать и заручиться поддержкой, чем бесславно подставиться.

– Если что… отпрыгиваем в разные стороны, – прошептала я, быстро оценивая, на какие ящики можно взобраться, если тварь кинется.

– Очень умно. Цуми…

На последнем слове тварь взревела, будто услышав, что о ней заговорили, и бросилась на нас. Я загребла таблички в горсть и вскочила на лавку, Сату рванула к ящикам.

Цуми выскочил. Длиной до трёх метров, с красноватой кожей, окутанной клочьями черного тумана. Весь покрытый шипами и наростами, он имел приплюснутую морду с оскаленной пастью. Мощный хвост хлестал по полу. При каждом движении туман рассеивался и спустя миг снова собирался, окутывая тело существа.

Я прицельно запустила табличками ему в голову. Раздался рык, такого оскорбления тварь не ожидала. Она оказалась возле меня. Челюсти клацнули, я прыгнула и долбанула её ногой в голову. И тут же взвыла, ибо от ступни до колена пронеслась огнем боль.

Сату запустила в цуми металлическим совком.

И снова рычание.

Я влезла на ящики, сорвала крышку с первого попавшегося, отодрала рейку, потом ещё одну и кинула обе Сату. Та ловко перехватила их, поняв мой замысел. Плохое оружие – лучше, чем отсутствие любого оружия.

Эта тварь реагирует на удары, значит, её можно бить. Та это будто поняла и подпрыгнула, норовя цапнуть за ногу. Я тоже подпрыгнула, Сату в это время вскочила и обрушила на цуми град непрекращающихся ударов. Взмах хвостом – и девчонка отлетела к стене.

Я схватила крышку с другого ящика, слетела вниз и со всей силы долбанула ею по голове цуми. Крышка ожидаемо треснула пополам, на коже твари появилась кровь. Послышался стон Сату, кажется, она явно приложилась головой.

Из-за заминки цуми чуть не оторвал мне руку. Прыжок, перекат – схватить валяющуюся рейку с острым концом. Глаза-угольки внимательно следили за каждым моим движением.

Сату, морщась, поднималась на ноги. Ей и правда хорошо прилетело, но не лежит, молодец. Пусть тёплых чувств она не вызывает, но дееспособный боец мне сейчас нужнее, чем валяющийся на полу.

Цуми начал обходить нас по кругу.

– Попробуй ударить рёку, – прохрипела Сату, медленно двигаясь в мою сторону.

Очень хороший совет. Прямо замечательный. Ещё бы знать как.

Сату выставила руку вперед, из ладони хлынул белый поток энергии. Я чуть не потеряла челюсть. Тварь заверещала, закрутилась на одном месте, будто получила серьёзный ожог.

На меня бросили раздражённый взгляд. Мол, чего копаешься?

Попробовать? Мысли метались как сумасшедшие. Умом я понимала, что ничего не выйдет. Но если рефлексы? А, будь что будет!

Я выставила руку, ладонь начало покалывать. Цуми оказался проворнее – метнулся к нам. Ругнувшись, я увернулась, а потом всадила рейку в его холку. И тут произошло странное – деревяшка вспыхнула фиолетовым светом, который вмиг пронесся по телу цуми. Перед глазами полыхнуло ослепительное сияние. Сату вскрикнула и отвернулась. Я тёрла глаза, стараясь прогнать пляшущие перед взором яркие пятна.

Цуми не двигался.

Некоторое время, пытаясь отдышаться, мы молча смотрели на него. Потом я присела, внимательно рассматривая труп. Чёрный туман клочьями накрывал его, лишь иногда вспыхивали красные прожилки, с каждой секундой становясь всё тусклее.

Мне нужна голова…

Я уже протянула руку, но Сату внезапно оказалась рядом и перехватила запястье.

– Сдурела! Цуми после смерти не менее опасны.

Об этом меня как-то не предупредили.

Тем временем тело твари растаяло, будто его никогда и не было. Я нахмурилась. Задача однозначно осложняется. Мало того, что опасно, так ещё ты успей эту тварь ухватить, пока она не растворилась в пространстве.

Сату будто осознала своё положение и быстро выпустила мою руку. Но я не обратила внимания. Куда больше меня интересовал вопрос, как часто твари влезают на территорию школы? Значит ли это, что всё время нужно быть начеку?

Видимо, Сату думала о чем-то схожем.

– Совсем страх потеряли, – пробормотала она. – Раньше цуми сюда не совались.

– Что его могло спровоцировать?

Она пожала плечами. А потом мы вместе посмотрели на расколовшиеся таблички с иероглифами. Некоторые из них по-прежнему сияли ледяным лиловым светом.

И в этот момент я почему-то поняла: неприятности только начинаются.

ЧАСТЬ II

Уроки и провалы

Глава 1

До рассвета был ещё час.

Я тихо выскользнула из постели, бесшумно оделась и вышла в коридор. Мисаки и Харука ещё спали. Оказалось, девушки не только мои подруги, но и ещё соседки по комнате. Вероятно, наша дружба так и завязалась. Сначала общее жилье, а потом уже они сделали нерадивую Аску своей подшефной, следя, чтобы та никуда не влезла.

Умывшись холодной водой из стоявшей на улице бочки, где собиралась дождевая вода, я глубоко вдохнула осенний свежий воздух. Было ещё тепло, но уже чувствовалось – не лето. Продержится всё в таком виде какое-то время, а потом подкрадется на лапах жёлто-красный зверь осени. С его шкуры будут падать дождевые капли, и потянутся шлейфом запахи мокрой земли, прелых листьев и гнили.

Осень всегда так приходит.

Интересно, я любила её раньше? А Аска?

В мыслях было тихо, ни единого намёка на прошлую жизнь. Что ж… значит, это знак двигаться только вперёд. Вижу цель – не вижу препятствий. С остальным буду разбираться по ходу.

Я пошла к площадке, где учитель Аю делала с нами разминку. Идея заниматься самостоятельно до всеобщей тренировки пришла после того, как мы с Сату уделали цуми на складе.

Плетунья показала мне рёку. Сказала, что нужен опыт. Что ж… В здоровом теле здоровый дух. Сидением в комнате я ничего не добьюсь. А то, как пронеслась сила по руке, когда я всадила в тварь деревяшку, помню до сих пор.

Поэтому нужно научиться управлять рёку. Во что бы то ни стало.

Я припустила трусцой по периметру площадки. Ноги бегут – голова думает. Мы с Сату так и не сказали никому вчера про наше приключение на складе. Настолько устали, что не хотелось кого-то видеть. Сил хватило лишь доползти до своих кроватей.

Я понимала, что как только увижу Коджи или завхоза, сразу сообщу. Почему Коджи? Оказалось, что он куратор моей группы. Надо ли говорить, что моей радости не было предела? Чуть не разрыдалась от счастья. То есть… тьфу, гадость какая вы, учитель.

Кровь забегала по венам, мышцы начали разогреваться. Коджи не факт, что поганый мужик. По сути, конкретной пакости он не сделал. Отправил меня на склад? Ну да, есть такое. Не пушистенький зверёчек, но вполне может быть, что тут принято наказание влеплять всем участникам драки. Свод правил мне на глаза ещё не попался, узнавала всё частями, поэтому картина в голове походила на мозаику, из которой выпали важные фрагменты.

Коджи у нас пока ничего не вёл. Со следующего семестра будет преподавать демонологию. Что ж… какой учитель, такой и предмет. Остается только радоваться, что это не менталистика или техника рёку. Там проблем не оберёшься.

Я остановилась, шумно выдохнула. Два круга – хорошо. Теперь к турнику. Чудеса акробатики я не покажу, но подтянуться смогу. А перед этим – разминка.

Невольно вспомнилась красивая учительница Тэхико, которая учила нас каллиграфии. Поначалу я думала, что всё относительно просто – глубинное изучение языка и отработка написания иероглифов. Но потом выяснила, что кроме обычного письма Тэхико показывала, как напитать символы не только чернилами, но и рёку. И тогда банальная записка могла превратиться в секретное послание, в котором спрятано куда больше, чем должны увидеть посторонние.

И тут я снова столкнулась с проблемой.

Грёбаная рёку. Кто тебя придумал?

Я взобралась по деревянной лесенке, едва не промахнулась мимо перекладины, но всё же повисла, судорожно выдохнув. Так, собраться с мыслями, сосредоточить силу. Раз… Два… Три…

– Напитывать турник рёку – это что-то новенькое, – прозвучал голос снизу.

Я чуть не свалилась и глянула на землю. Там, сложив руки на груди, стояла учительница Аю. Сухощавая и невысокая, она вмещала в себе нечто такое, что заставляло невольно прижимать уши, словно нашкодивший кот. Пусть кошачьих ушей у меня не было, но ощущение, что изловили на какой-то шалости, никуда не делось.

И тут же дошло: напитывать рёку?

Я спрыгнула на землю, подняла голову и застыла с разинутым ртом. Перекладина мягко сияла фиолетовым светом. Аю подошла ближе, с интересом рассматривая дело рук моих.

– Это как? – выдохнула я, соображая, как подобное произошло.

Всего лишь физическая нагрузка, ничего больше. Если на складе я хоть что-то чувствовала, то тут сейчас ничего не было. И это странно. Очень странно.

– Это надо тебя спросить, – заметила Аю. – Знаешь ли, крайне редко бывает, что рёку вот так вот впитывается в предметы и держится. Раз сияет – значит вбахала ты прилично ресурса. – Она прищурилась. – Чувствуешь опустошение?

Я прислушалась к собственным ощущениям и мотнула головой.

– Нет, всё как всегда.

Аю нахмурилась. Кажется, ей что-то не понравилось.

– Так, после разминки подойдёшь ко мне, – коротко бросила она и уже развернулась, чтобы уйти.

– Учительница Аю, вчера вечером на складе на нас с Сату напал цуми.

– Что?!

* * *

– Что? – громыхнул Коджи.

Я сосредоточенно ковыряла стену пальцем, делая вид, что вожу по начертанным иероглифам, стараясь запомнить, как лежит каждая линия.

– Цуми, – мягко повторила Аю.

Она стояла перед Коджи, едва достигая его плеча. Изумрудный кэйкоги только подчеркивал хрупкость тела, черные волосы удерживались деревянными спицами. Максимально простая одежда, но Аю держалась настоящей императрицей. Только не шумных балов и пустых пересудов, а, скорее, чего-то природного и уединённого.

Меня сюда притащили за шкирку, не дав ничего возразить. Коджи не особо обрадовался нашему визиту в такую рань, даже толком одеться не успел – одни чёрные широкие штаны и пояс. Даже волосы не убраны в хвост. Поди, девочки глазели бы только так, ведь положа руку на сердце, тут есть на что поглазеть.

Только Аю это явно не интересует. Да и Коджи не выказывает ни капли смущения. Не удивлюсь, если и к наготе здесь относятся как к чему-то естественному, не думая скрывать от посторонних.

– Там были таблички оммёдзи, – сказала Аю. – Думаю, мне не стоит говорить, чем это может грозить школе Годзэн.

Коджи стоял у окна, сложив руки за спиной. Мне удалось рассмотреть под его левой лопаткой татуировку – причудливая вязь, переплетённая с клинками. Как любопытно. Жалко, ближе не подойти.

– Аска, повтори всё с самого начала, – бросил он.

Я сдержала шумный выдох. Вот гад. Слышал же всё!

Пришлось терпеливо повторить всё, что произошло. Я ожидала, что сейчас получу какой-то выговор или нагоняй, но ничего не последовало.

Вместо этого пришлось идти с учителями на склад. Слава богам этого мира, мы с Сату больше не трогали те дурацкие таблички. К тому же после беготни с цуми уже не было желания прибираться.

Коджи шагнул первым, осмотрелся. В какой-то миг мне даже показалось, что он втягивает воздух, будто дикий зверь.

– Что? – еле слышно выдохнула Аю, но рука Коджи тут же взметнулась вверх, призывая к молчанию.

После чего он сделал несколько шагов вперед и замер. Сделал неуловимый жест, я моргнула: показалось или его ногти почернели и вытянулись?

Со всех четырёх углов склада вдруг задул ветер, пробирая до костей. Я вцепилась в ближайший шкаф, Аю ухватилась за стеллаж. Коджи не шелохнулся. Татуировка под его лопаткой вспыхнула звёздным светом.

С пола в причудливом танце поднимались расколотые таблички. Иероглифы на них тускло светились.

Я невольно передёрнула плечами. Воспоминания о вчерашнем цуми были не лучшими. Тогда казалось, что ничего такого, а сейчас будто дошло, что тварь вполне могла оттяпать какую-нибудь часть тела.

Коджи шевельнул пальцами. Таблички вздрогнули, закружили друг возле друга. Лиловый свет окутал все глиняные осколки. Миг – вспышка, и я зажмурилась. Послышалось шипение. Удалось увидеть, как на пол просыпался черный сверкающий песок. Никаких табличек больше не было.

– Что это? – тихо спросила я.

Помещение осветило ярко и жутко, кто-то пронзительно взвизгнул. Я похолодела, невольно вжимаясь в шкаф. Снова визг, и весь склад погрузился во тьму.

Не сразу поняла, что Коджи пошатнулся, и Аю молнией подлетела к нему, подставляя плечо.

– Сильное? – коротко спросила она.

– С проклятьем на крови, – скрипнул зубами Коджи. – Клановая работа.

– Думаешь, и сюда мог кто-то добраться?

– А что могло помешать?

Чем дальше шёл разговор, тем меньше я понимала. Поэтому пришлось деликатно кашлянуть. Тьма потихоньку развеивалась, и стало видно, как Коджи опирается на руку Аю.

– Аска, – мрачно произнёс он, – думаю, ты понимаешь, что надо держать язык за зубами? Ты ничего не видела и не слышала. Цуми тоже не было.

– Совсем не было? – уточнила я, ещё не понимая, к добру хранить молчание или нет.

– Для тех, кто будет совать нос не в свои дела, не было, – ледяным тоном сказала Аю. – Мы проверим всю школу. Но пока лучше не распространяться.

Я кивнула. Понятно. Трепаться особо и не собиралась. К тому же интуиция подсказывала, что помалкивать надо не только про цуми, но ещё и про то, что сделал Коджи. Кстати, что это было? Речи о том, чтобы расспросить его самого, пока и быть не может. Пошлёт куда-нибудь, да и дело с концом.

Надо действовать иначе.

Когда мы вышли, небо начало сереть. Я на несколько секунд остановилась, глядя на вершины гор и лес. Здесь красиво, только вот совсем нет времени любоваться видом.

Коджи вышел следом.

– Аска, в следующий раз, если наткнешься на цуми, говори мне сразу.

Я повернула голову и встретилась с его взглядом. Ни тени издёвки в нём не было. Оставалось только кивнуть.

– Да, учитель Коджи.

– С Сату я поговорю сам.

– Спасибо, учитель.

– Вы справились неплохо.

Мои глаза округлились. Это что сейчас было, похвала?

Но он уже направился по дорожке к школе. Аю немного задержалась.

– Собирайся на разминку, Аска, – тихо сказала она. – Потом подойдёшь ко мне.

– Да, конечно. А для чего? – брякнула я.

Аю хмыкнула:

– Слишком ты любопытная белка. Но что-то изменилось в тебе после храма. И я хочу разобраться, что именно, ибо от этого зависит дальнейшая программа обучения.

Звучит разумно, я снова кивнула. Скоро в болванчика превращусь с этими учителями.

– А ещё ты раньше никогда так не пользовалась рёку, – заметила она.

И тут уже было отчего насторожиться.

Глава 2

– А-а-а!

Я с воплем отлетела к стене.

– Отвратительно, – припечатала Аю. – Третий курс, а ты блокируешь атаки, будто никогда не училась в школе Годзэн.

– Это было неожиданно, – пропыхтела я, поднимаясь на ноги и потирая ушибленное плечо.

Летала по залу я уже около часа. Аю проверяла мою реакцию, силу и откровенно злилась, что я не могу управляться с полученной рёку. Получалась странная ситуация: дикарка раздобыла автомобиль, но как его завести – не имеет понятия. В итоге так и бегает кругами с воплями: «Уха-ха, уху-ху!» и ничего не может сделать.

После разминки Аю назначила мне тренировку в зале.

Отучившись кое-как, получив одобрение на каллиграфии и нагоняй от менталиста, господина Ячихаро, я на ходу перекусила, махнула подругам, что вечером всё расскажу, и помчалась к Аю.

Учительница, с виду больше похожая на танцовщицу, чем на бойца, наносила удары с недюжинной силой. Правду говорят: истинная сила кроется не в раскачанных мышцах.

Ладонь Аю окутал красный свет. За это время я успела разобраться, что красное – это клан Юичи, их рёку обладает только этим цветом.

– Нападай, – коротко приказала она.

Плетунья и прочие боги этого мира, помогите хоть не опозориться. Хотя умом я, конечно, понимала, что особо рассчитывать не на что. Тело у Аски не было слабым, но над ним следовало ещё работать.

Поэтому моя атака была встречена блоком. Аю извернулась, сделала подсечку и свалила меня на мат.

– Удар неплохой, – неожиданно одобрила она. – Концентрация загублена на корню. Скажи на милость, чем занимались ваши преподаватели, что ты не можешь собрать рёку в одной точке?

А я знаю? Хоть бы в глаза посмотреть этим преподавателям. Одно ясно: это была не Аю. Кстати, это уже интересно! Куда делись прежние учителя? Может быть, они тут как-то меняются?

Она опустилась рядом, приняла позу лотоса и задумчиво посмотрела на меня.

– Ты какое-то ходячее противоречие, Аска. То показываешь чудеса, то не можешь сделать элементарное.

Я насторожилась. Чудеса – это о чем сейчас было? Метнула взгляд на Аю, та улыбнулась уголками губ. Знает про спасение Мии больше, чем дозволено остальным? Или поверила словам малышки?

– Что скажешь в своё оправдание? – не дали мне как следует задуматься.

– Гормоны, нестабильность, мерзкий характер, – буркнула я.

Аю расхохоталась:

– Ого, как заговорила. Ну, раз так… ночь в храме тебе пошла на пользу. Смотри, в будущем только не задевай никого. Знать, что ты принадлежишь к клану, это повод для гордости, но говорить, что остальные в подмётки не годятся, уже перебор.

– Была дура, признаю вину, – не стала отнекиваться я.

В конце концов, мне тут ещё жить и выполнять задания Плетуньи. Именно это даст возможность разобраться с прошлым и не проворонить настоящее. А значит… Значит, соглашаемся, что разглагольствовать о кланах – неразумно.

– И правда храм… – под нос пробормотала Аю. – Хорошо, на сегодня хватит. Будем чередовать тренировку и медитацию, сейчас твои мысли скачут как

бешеные цуми. Встаём.

Я поднялась следом за учительницей. Перед выходом обернулась и всё же спросила:

– А у вас много учеников?

Аю, кажется, удивилась вопросу, но ответила:

– Ты будешь десятой, Аска.

– Спасибо, – кивнула я.

Итак, десять – это много или мало?

В раздумьях я добрела до жилого корпуса и вошла в нашу комнату. Харуки не было, а Мисаки склонилась над листом бумаги и выводила иероглифы. Что у неё тут? Змея. Криво как-то…

Я замерла за плечом Мисаки, хмурясь и разглядывая линии. Подруга остановилась, задрала голову.

– Да-да, помню, как тебя сегодня Тэхико похвалила. А мне только строго указали, что надо работать усерднее.

Я улыбнулась:

– Мы все в чём-то хороши, а в чём-то как лягушки в пруду. Я вот ни цуми не могу в менталистике. Сама слышала, как Ячихаро меня отчитал.

– Слышала, – вздохнула она. – Этот старый хрыч занудный до ужаса. Тэхико нравом мягче. Если неясно, она будет объяснять, пока не дойдет до самого тупого. Даже Сату…

– А что Сату? – приподняла я бровь.

Мисаки захихикала:

– Ты что! Она же еле сдала каллиграфию. Насколько Сату хороша в технике рёку, настолько печальна в каллиграфии. У неё кандзи выходят мёртвыми и не хотят шевелиться.

Я позабыла, о чем только думала, пытаясь понять, что из услышанного поразило больше. Что Сату в чем-то бездарна или что кандзи должны шевелиться?

Недописанный иероглиф лукаво взирал на меня с бумажного листа. Руки буквально зачесались что-то попробовать написать. Тэхико говорила про наполнение символов рёку, так это, наверное, оно и есть?

– Встань, – попросила я.

Мисаки подозрительно покосилась на меня.

– Слушай, Аска, мне что-то не нравится твой взгляд. Обычно после такого у нас неприятности.

– Не будет неприятностей, – заверила я, плюхаясь на подушку и кладя руки на низкий столик. – Обещаю.

Иероглиф манил, притягивал, звал тысячей беззвучных голосов. Почему-то всё отошло на задний план. Была только одна цель: дописать нужные черточки, вдохнуть рёку, заставить написанное заиграть светом.

Я взяла кисть, покрутила между пальцев, словно художник, обдумывающий первый мазок. Поднесла к бумаге и поставила первую точку.

И тут во дворе что-то громыхнуло.

Мисаки кинулась к окну, но я не обратила внимания. Стояла задача: дорисовать кандзи.

«Вижу цель – не вижу препятствий», – шепнул внутренний голос.

Я провела кистью вверх. Макнуть в чернила, заметить, как вспыхивают в них синие искорки, словно кто-то опрокинул в чернильницу блёстки. Только вот сияют они чисто и завораживающе, никакого дешёвого эффекта. Линия, ещё одна линия. Закрутить хвостик, сделать пересечение ровно в том месте, где выходит короткий луч влево.

– Аска…

Мисаки что-то говорит, но я не слышу. Мне важно дописать этот кандзи и перейти к следующему. А ещё – следить за дыханием: выдох-вдох, выдох-вдох, выдох… не дышать, пока закручивается линия, вдох, потом затаить дыхание, чтобы черта была идеально ровной. Потому что от исполнения зависит результат.

Сердце начитает колотиться в груди как ненормальное. В ушах шумит. Всё пространство сужается до чуть желтоватого листа, на котором моя рука уже выводит второй кандзи. Чернила вспыхивают сапфировым пламенем.

Дышать становится труднее. Кажется, что кто-то просто кинул в комнату зажжённую спичку, и непонятно как вспыхнула вся комната.

Но я продолжаю выводить линию за линией, мышцы руки напряжены до предела. Мисаки прикасается к моему плечу и вскрикивает, резко отдёрнув руку.

«Что это значит? – дико мечутся мысли. – Змея. Клан. Но вот третий кандзи я не знаю. Это что-то непонятное. Ещё ощущение, что где-то видела, но где…»

Рука тем временем выписывает че?рты ровно и умело. В отличие от разума она знает, что делать. Стоит провести последнюю линию, как я едва не падаю на бумагу, будто в один миг лишившись всех сил.

Некоторое время царит тишина. Медленно возвращаются слух и зрение, практически ушло странное оцепенение, которое не давало заняться ничем другим, кроме написания кандзи.

Я обернулась. Мисаки замерла у двери. В её взгляде читались страх и непонимание.

– Что произошло? – хрипло спросила я.

А потом проследила за взглядом подруги и невольно вздрогнула. Из угла, где стояли наши кровати, медленно выползала змея. Раздвоённый язык мелькал в приоткрытой пасти, от шипения по телу пробежали мурашки. Её глаза были как чистейшие сапфиры, огромные и жуткие. Но страшнее всего то, что змея оказалась просто огромной. Такая сможет заглотить меня целиком и не подавиться. Её ведь раньше не было! Да откуда? Снова цуми?

Мисаки стояла, будто завороженная: ни шевельнуться, ни выдохнуть, ни развернуться и выбежать.

Я, стараясь не делать резких движений, осторожно и плавно поднялась. Змея следила за мной. Снова зашипела, изогнулась, и в этот момент до меня дошло, что за головой у неё капюшон, как у…

«Кобра! – пришло озарение. – Третий кандзи – это кобра!»

Меня накрыло облегчением, как будто нашёлся ключик к двери со сверхсложным замком. Змея. Кобра. Клан. Выяснить бы, какое это имеет значение, и почему у меня буквально отлегло от сердца.

– Аска? – донесся дрожащий голос Мисаки. – Что будем делать? Если она кинется, то костей не соберём.

Я прищурилась. Если…

– Надо сделать так, чтобы не кинулась, – ответила я совершенно невозмутимым тоном.

Если получилось с цуми, то и с большой змеёй тоже получится. Где-то на краю сознания мелькнуло, что я слишком самонадеянна, но… интуиция подсказывала, что всё выйдет.

Змея медленно поднималась. В какой-то момент её глаза оказались на уровне моих. Внутри будто что-то защекотало – чувство, которое когда-то было страхом. Теперь же оно трансформировалось в адреналин, азарт, жажду доказать всем и себе в первую очередь, что я не боюсь.

– Ты позвала её, – еле слышно выдохнула Мисаки. – А значит, она не уйдёт.

Змея двинулась ко мне.

Так, а мы ещё посмотрим, кто кого. Кровь забурлила в венах.

– Позвала-а, – четко и чуть нараспев произнесла я, будто читая какое-то заклинание. – Я позвала, и я же отправлю назад.

Змея дёрнулась, будто что-то почувствовала. Я поборола искушение выставить ладонь вперёд.

Нет, надо не так. Только глаза в глаза. Это не цуми. Это создание пришло по моему зову. Правда, пока ещё не разобралось, что ужина ему не светит.

В моём теле бурлила сила. Та же, которая была тогда при разговоре с Плетуньей.

– Ты исполняешь приказы, – ровно сказала я. – Призвали – пришла. Сказали – сделала. Исполнила своё предназначение – убралась восвояси.

Возмущённое шипение в ответ.

– Не с-с-спорить, – выдохнула я. – Тебе говорят – выполняешь.

Мисаки почему-то побледнела.

Змея хлестнула хвостом, потом сделала оборот вокруг своей оси, стрельнула на меня недобрым взглядом и снова поползла в угол, из которого появилась.

Не в силах пошевелиться, мы смотрели, как огромное тело исчезает в щели, втягивается чёрный хвост, а потом сама щель затягивается, будто её никогда не было.

Только когда вызванная тварь покинула нас, я сообразила, что руки мелко дрожат, к горлу подкатила дурнота, а колени того и гляди подогнутся. Я перевела взгляд на Мисаки, та смотрела на меня, как на чудовище.

– Что? – невольно сорвалось с моих губ.

– Кто ты, Аска? – в голосе Мисаки звенел ужас. – Кто ты такая, цуми тебя подери, и почему вместо благословенных Плетуньей человеческих слов ты издаёшь змеиное шипение?

Глава 3

М-да.

Неловко получилось.

Я как-то совсем не подумала, что мои действия со стороны могут смотреться странно. Уже как-то приняла, что тут есть цуми, рёку и прочие вещи, о которых я ранее и не слышала. А теперь надо как-то выкручиваться.

– Мисаки… – Я двинулась к ней. – Ты что?

– Не приближайся, – напряжённо ответила она, выставив вперёд ладони.

Я остановилась.

Дело принимало нехороший оборот. Это же не Сату и компания. Это не безымянные девчонки с задних парт, которые сидели в одном с нами помещении на уроках. Это моя соседка по комнате и человек, который всячески пытается меня поддержать. Надо срочно что-то делать.

– Так. Ну подумай сама. Кем я могу быть, как не девочкой из клана Шенгай? Немного не от мира сего, немного задирой, немного тугодумкой.

Мисаки чуть нахмурилась.

– Ты не тугодумка, Аска.

Я отмахнулась.

– Да неважно, спроси учителя Ячихаро, он тебе и не такое скажет.

Уголки её губ чуть дрогнули в улыбке. Всё же тут сложно спорить. Учитель менталистики не жалует меня ни в каком виде.

– Откуда взялась это чешуйчатая дура – сама не знаю, – искренне ответила я, чуть понизив голос. – К тому же кандзи начала писать ты.

Мисаки вздрогнула. Кажется, об этом она совсем не подумала. Обвинять я не собиралась, но переключить внимание – ещё как. Во всяком случае, ужас в её глазах начал таять. Уже хорошо, уже маленькая победа.

– Но ты не испугалась змеи, – снова нахмурившись, все-таки сказала Мисаки.

Я на секунду задумалась. Если и испугалась, то не особо. Вообще, есть какое-то странное ощущение, что змей я не боюсь в принципе. Считаю их красивыми, опасными, невероятными, но… не боюсь. Просто знаю, что не надо лезть к созданию, которое тебя может убить. Что же до страха… есть куда более отвратительные твари.

– Знаешь, Коджи меня больше страшит, чем змея, – наконец-то произнесла я.

Мисаки хлопнула ресницами, не веря услышанному, а потом расхохоталась.

Напряжение лопнуло. Можно было выдохнуть. Врагом меня больше не считали.

– Ну ты даёшь! Страшит тебя. Страшил бы – не лезла бы во всякие аферы. Втюрилась в учителя, так и скажи. А то – страшит!

– Э-э-э… – глубокомысленно изрекла я, пытаясь осознать услышанное.

Дело принимает интересный оборот. Хотя бред же. Какая связь?

Мисаки наконец-то отошла от стены и положила мне руку на плечо.

– Не бойся, мы же с Харукой ни слова другим, сама знаешь.

То есть ещё и Харука так думает?

– Да с чего вы взяли?

– Ты ж рассказывала в начале этого года.

Фиаско.

Такого я не ожидала. Аска была влюблена в Коджи? Плетунья и все, кто там рядом, спасите и сохраните. Надеюсь, он был не в курсе. Иначе к имеющимся проблемам у меня добавятся новые. Амурные связи мне нужны так же, как рыбке зонтик.

– Язык бы подрезать, – пробормотала я. – В следующий раз тресни меня веером, когда я надумаю откровенничать.

Мисаки округлила глаза, однако прежде чем она успела что-то спросить, я выпалила:

– Что ты видела во дворе?

Она открыла было рот, чтобы ответить, но в этот момент в комнату заглянула Харука.

– Эй, сони, слышали, у учителя Эйшу в мастерской произошёл взрыв.

– Все живы? – машинально спросила я.

Харука кивнула.

– Да, ученицы что-то не так сделали с печью, бахнула изнутри, но в этот момент Эйшу как раз вышел, поэтому досталось только выплавленным изделиям.

Мисаки покачала головой. Она любила работать с металлом, напитывая его рёку, и создавать занятные вещицы. Пока что девушки работали с мелочёвкой, но лезвия ножей у неё выходили отличные, чем Мисаки страшно гордилась. Однажды она призналась, что мечтает стать Мастером Клинков – создавать оружие, которое будет усиливаться при помощи её рёку и даже выполнять кое-какие команды.

Поверить в это было сложно, однако я уже давно поняла, что империя Тайоганори полна сюрпризов.

– Жалко, – всё же сказала я, сообразив, что тишина затянулась.

Харука ничего не ответила и задумчиво осмотрела комнату, словно что-то почувствовала. Однако ничего не говорило о присутствии змеи, поэтому переживать не стоило.

– Аска, только я тебя прошу…

Я посмотрела на Харуку.

– Что? – уточнила озадаченно.

Вроде бы ничего не должно было спалить, Ми-саки тоже молчит. А…

– Мастерская требует ремонта, – с нажимом произнесла Харука. – Очень тебя прошу: никуда не вляпайся, чтобы тебя не отправили разгребать и её.

– Очень умно, – буркнула я, искренне оскорбившись и плюхнувшись на свою кровать.

Взяла первую попавшуюся книгу. История. Цуми с ней, почитаю дальше, а то тут прямо подозревают во всех грехах сразу. Мне, между прочим, хватило склада.

Мисаки села рядом.

– Не обижайся, Харука не имела в виду ничего такого.

– Нет, имела! – возмутилась та.

Я с интересом посмотрела на неё поверх книги. А ну-ка…

От Харуки разве что молнии не летели.

– Аска, ты вляпываешься просто везде. Везде! Пока что тебе относительно всё сходит с рук, но подумай, что будет, когда сюда нагрянут смотрители? Они-то точно церемониться не станут! Ты вообще думала, что случится, если тебя заберут?

– Что? – спросила я.

И тут же пригнулась, ибо в меня швырнули кистями для каллиграфии.

– Дура!

Я успела прикрыть голову, кисточки стукнули по рукам.

– Харука! – возмутилась Мисаки.

– Вот и объясни ей сама, – рявкнула та и выскочила из комнаты.

Некоторое время мы сидели в тишине. Потом я кашлянула и осторожно уточнила:

– А кто такие смотрители?

* * *

Смотрители – это плохо.

Именно это я поняла из рассказа Мисаки. Это люди, которые уполномочены императором. На что именно – цуми разберёт. Их задача – доставлять к великому Кса-Карану тех и то, что может послужить империи Тайоганори. При этом если с предметами, открытиями и животными можно разобраться, не интересуясь их мнением, то… с людьми сложнее. Правда, это уже проблемы людей. Никто не собирается выяснять, хочешь ты быть на службе императора или нет. Ты просто начинаешь служить. Тех же, кто не желал этого, потом нигде не могли найти.

Слушая Мисаки, я хмурилась. Вероятно, служители попросту избавлялись от тех, кто мог быть угрозой власти. Вряд ли их брали за ручку и отводили на вершину горы, чтобы там оставить медитировать и вести отшельнический образ жизни.

Периодически смотрители наведываются в школы, смотрят на учеников. Если у кого-то пробивается сильный дар, неважно в какой сфере, его забирают. Учителя тихо ненавидят такие визиты, так как ничего не могут сделать. Они не хотят отдавать учеников, однако неподчинением рискуют навлечь на себя гнев императора.

Я размышляла об этом, сидя на крыше здания, где мы жили с девчонками. Сон не шёл, поэтому я быстро оделась, прихватила бумагу, кисть, чернильницу и выскользнула в тайное местечко, где можно было уединиться. Если ты никому не мешаешь, никто ругать не станет. А что потом будешь клевать носом на уроке и стукнешься лбом о парту – уже твои проблемы.

Однако я понимала, что раз уж не спится, то надо заняться другим делом. Например, потренироваться в каллиграфии, заодно напитывая кандзи своей рёку. Мисаки я могу говорить что угодно, но разобраться, как вышло, что вылезла змея, просто необходимо. К тому же сама я прекрасно понимала: пришла она на мой зов.

От луны и звёзд было маловато света, но и на этом спасибо. Сейчас дело не в красоте, а в механике движений. Учительница Тэхико говорила, что Мастера Кандзи могут даже не смотреть на то, что пишут. Они знают наизусть каждую линию, потому и не отвлекаются, когда чертят иероглифы. Только вот Мастеров

осталось мало, раньше их было полно в кланах Шенгай и Икэда, но сейчас всё изменилось. Остались простейшие знания, например, как наполнить рёку текст в письме, чтобы он не стирался или исчез через время. Можно сделать так, что иероглиф даст свет, чтобы прочесть написанное. Таким мелочам спокойно обучали в школе Годзэн. У кого-то получалось лучше, у кого-то – хуже. Каллиграфия у меня проблем не вызывала.

Я села в позу лотоса и глубоко вдохнула свежий ночной воздух. Взяла в руки кисть, покрутила в пальцах. Тэхико ещё говорила, что для тренировок использовали воду. Да-да, простую воду, в которую макали кисть. Рисовали ею кандзи, и, пока доделывали последнюю черту, всё в итоге исчезало. А потом снова рисовали. И так до тех пор, пока иероглиф не начинал светиться чистой рёку. Именно такие кандзи были сильнее других.

Так… Я макнула кисть в чернила, провела линию. Криво! Ц-ц-цуми тебя за хвост! И тут же невольно усмехнулась. Надо же, как прилепилось местное ругательство. Но как точно оно выражает эмоциональное состояние!

Пришлось начать всё заново. Линии толком не разглядеть, но рёку вливается в них куда легче, чем в другие предметы. Пожелай та зверюга со склада посоревноваться со мной в каллиграфии – это было бы интересно. Кандзи вспыхнул фиолетовым светом. Я на миг залюбовалась. Прикрыла глаза и попыталась прочувствовать его. Ощущение, что кожи касается ровное тепло огня. Но при этом… всё.

Я нахмурилась.

Думай, Аска, работай мозгами. Что было такого тогда в комнате, что появилась ползучая?

Ощущения я помнила прекрасно, но вот как их вызвать? Тогда буквально накрыло, а тут сижу дура дурой, извожу лист за листом. Можно было, конечно, решить, что дело в освещении. Но я-то прекрасно понимала, что хоть глаза закрой – не то!

Начало подниматься раздражение.

Я поднялась, заложила руки за спину и принялась мерить шагами доступный участок крыши, где можно было спокойно передвигаться, не рискуя свалиться и сломать шею.

У меня кое-что получается. И получается так, что остальные начинают коситься или сторониться. Однако при этом данное «кое-что» до отвращения нерегулярно. Надо бы разобраться, что стимулирует этот дар или как там его. Рёку? Хорошо, я уже и так тренируюсь с Аю, надеюсь, она не вытрясет из меня все мозги до того, как я чему-то научусь.

В этот момент над школой Токугава вспыхнули огни. Я вздрогнула от неожиданности, взмахнула руками, но удержалась. Огни снова полыхнули, будто кто-то взял горсть самоцветов и бросил на крыши пагод соседнего учебного заведения. Пламя казалось рубиновым и горело так, что невозможно было отвести взор.

– Это ещё что такое? – еле слышно прошептала я, уставившись во все глаза.

Людей не было, тварей вроде цуми – тоже. Но огни вспыхивали снова и снова. За спиной у меня что-то зашуршало. Я резко обернулась. Миг, два, три… никого.

Снова посмотрела на школу Токугава. Огней не было.

Да уж, а тут всё веселее и веселее.

Я тихо спустилась в нашу комнату. Нужно поспать. Утром будем разбираться со всем остальным.

Я легла, натянула одеяло и закрыла глаза. А потом из тягучей тьмы вдруг взметнулись костлявые руки и утащили в бездну, заставив застрять крик в лёгких.

Глава 4

…в комнате царит полумрак.

В камине пляшет огонь, но кажется, что он не освещает, а наоборот разносит тьму, жадно поглощая надежду на хороший исход.

Красивая женщина, перешагнувшая порог сорокалетия, смотрит на свитки на столе и обмахивается веером. Её движения вымученные и деревянные, словно она не знает, что нужно делать. Блики света пляшут на золотых цветах и колокольчиках, украшающих спицы, которые скалывают её волосы. В чёрных глазах застыли безысходность и боль.

Седовласый мужчина, одетый в черное и с тяжёлым медальоном, вырезанным из фиолетового камня, смотрит на женщину. В комнате ещё двое: мужчина старше красавицы лет на десять и парень шестнадцати лет.

А ещё мне плохо видно. Я вдруг понимаю, что замерла в узком темном помещении и подглядываю за ними через крохотное отверстие в стене. Ноздри щекочет запах пыли, дерева и сырости. Но я знаю, что нельзя себя выдать ни словом, ни выдохом, потому что тогда моё убежище обнаружат, и больше ничего не получится узнать.

Только чудом меня до сих пор не рассекретили. Скорее уж люди в комнате заподозрят, что их подслушивает мелкий Кэцу, мой младший брат, которому есть до всего дело, чем аморфная Аска, не блистающая ни умом, ни смекалкой. Ичиго, наш старший брат, сейчас сидит там с моими родителями и дедом. Его позвали, чтобы наследник был в курсе дел клана Шенгай. Меня считают мелкой и бестолковой, но именно я нашла заброшенное укрытие! Мы посмотрим, кто кого!

И в ту же секунду я понимаю, что чувствую разум той другой Аски, юной и порывистой, не задумывающейся над последствиями. Мы вдвоём видим одними глазами, слышим одними ушами, вместе вдыхаем пыль и сырость.

– Юичи не будут ждать, – глухо произносит мой отец.

Веер матери со стуком закрывается. Я откуда-то знаю, что это тоже тэссэн – страшное оружие в умелых руках. Но металлические спицы спрятаны под фиолетовым полотном, расшитым золотыми кобрами, потому не сразу разберёшь – это украшения или смерть.

– Они много хотят. Неужели не понимают, что нельзя открывать тории без крови кого-то из клана?

Откуда-то я знаю, что тории – это высокие ворота без створок с двумя перекладинами сверху. Они стоят за храмом клана. Туда нельзя войти без последствий. Оттуда нельзя выйти прежним человеком. Тории связывают наш мир и потусторонний. Клан Шенгай бережёт Плетунья, она живёт за вратами. Те, кто ей поклоняются, могут попробовать с ней договориться. Те, в ком течёт кровь клана Шенгай, могут её просить. Но те, кто приходит извне без почтения, но с жаждой силы Края Гроз, получают по заслугам. Если пытаться открыть врата чужого клана без благословения бога-покровителя, можно вызвать в этот мир такие силы, что… лучше бы такому человеку не рождаться на свет.

– Поэтому они и хотят Аску, Шизука, – подает голос седовласый мужчина. – Представляют это как брачный договор, только вот…

– Считают нас пагодами без крыш? – горько усмехается мать.

Ответ не нужен. Клан Юичи силён, они многочисленны, богаты, любимы Кса-Каранами. Край Света, вотчина Юичи, не страдает от природных бедствий уже несколько веков, почвы регулярно дают урожай, а сокровищницы полнятся зачарованными артефактами из гробниц предков. Кажется, Трёхрукий и правда хранит своих детей. А Плетунья… Плетунья наказывает.

– Неужели нельзя ничего сделать? – тихо спрашивает Ичиго.

Он старше меня на три года. И этот вопрос – всего лишь попытка заполнить пустоту. Юичи давно роют нам яму. Они спят и видят Край Гроз под своей властью. Довели до ухода из Тайоганори клан Икэда и теперь взялись за нас. Я не знаю всего, но кое-что слышала…

Глава клана Юичи хотел, чтобы моя мать стала его женой, но она выбрала моего отца. Старая обида легла сверху жажды власти.

Шизука – красавица и умница, Шизука-раз-дор – так её и называют. Казалось бы, принято по традиции любить покорных женщин, только у матери нрав, что у ядовитой кобры. Даже если прогнётся и склонится, признавая господина, рано или поздно всё равно извернётся и укусит, впрыскивая смертельный яд. С моим

отцом они нашли общий язык сразу, поэтому не было и разговора о том, кому достанется строптивая наследница клана Шенгай.

– Можно, – хмуро говорит дед.

Все присутствующие в комнате смотрят на него, затаив дыхание.

Я ёрзаю, потому что стена неудобная, прижиматься к ней – сущее наказание. Мышцы уже ноют, а в носу свербит. Но нельзя… нельзя выдавать себя!

Дед медленно поднимается, задумчиво приглаживает висящий на шее медальон.

– Мне нужно в храм Плетуньи. Если она даст благословение, тогда ни Юичи, ни Дзэ-у, ни сам император нас не достанут.

Отец хмурится, Ичиго закусывает нижнюю губу. Одна мать смотрит на массивный чёрный кристалл, стоящий на столе рядом со свитками.

Тишина, которая окутывает комнату, кажется мерзкой и жуткой, как омут, из которого не выбраться.

– Что скажете, дети? – спрашивает дед.

Мать медленно кивает, отец складывает руки на груди и потом произносит:

– Надеюсь, богиня выберет Ичиго.

Брат вздрагивает.

Перед моими глазами всё кружится, предметы сливаются в дикий водоворот. Голову будто сдавливают тиски, дыхание вышибает, и я с криком лечу во тьму.

– Аска! Аска!

Меня встряхнули, шлёпнули по щеке. Я открыла глаза и перехватила руку Мисаки, что уже приготовилась залепить мне вторую пощечину.

Голова гудела, перед глазами всё ещё стояла полутёмная комната и люди в ней. Сердце колотилось в горле. Откуда-то я знала, что у старика всё получилось. Но не так, как он задумал. Богиня выбрала не Ичиго. Богиня выбрала болтливую Аску, которая потом оказалась в школе Годзэн.

– Мисаки, – выдохнула я. – Ты зачем меня стукнула?

– Ты орала, – услужливо подсказала Харука, возникшая за её плечом.

Обе соседки были заспанными, но в глазах плескалось беспокойство.

Я провела ладонями по лицу. Стало немного лучше. Ужас чёрной бездны, куда я рухнула во сне, медленно таял.

– Простите, приснился плохой сон.

– Неужто голый Ячихаро? – удивилась Ха-рука.

Мисаки тут же ткнула её локтем в бок, однако та не обратила внимания.

– Нет, не настолько, – буркнула я. – Обещаю больше не вопить, ложитесь. И спасибо, что разбудили.

– Сон нам не помешает, – зевнула Харука. – Знаешь ли, скоро экзамены. Пусть об этом думать и не очень хочется, но лучше высыпаться.

После чего все устроились в своих кроватях, и остаток ночи прошёл спокойно. Я опасалась, что не усну до самого утра, однако стоило только голове коснуться подушки, как сон утянул меня в свои объятия.

Да так хорошо, что я едва не проспала утреннюю пробежку. На этот раз не удалось как следует подумать о ночных огнях и самом сне. Зуб даю, что его мне «прислали» из прошлой жизни – жизни непутёвой Аски. Я однозначно видела её семью. Дед, мать, отец, два брата… Там был кто-то ещё? Или же Плетунья

решила показать кусочек мозаики?

Я бы раздумывала и дальше, но ко мне присоединились Мисаки и Харука, которые, видимо, решили, что тренировок много не бывает. В итоге пошёл разговор об окончании семестра, которое будет уже этой зимой.

– Нас ждут два экзамена, – шумно выдохнув, сообщила Харука.

– Каких? – поинтересовалась я, делая растяжку.

Мышцы уже неплохо разогрелись, поэтому разминка шла без дискомфорта.

«Тело Аски лучше моего, – вдруг пришла странная мысль. – Намного».

Я замерла, пытаясь сообразить, с чего так решила. В прошлой жизни были проблемы со здоровьем?

– …и менталистика, – долетели до меня слова Мисаки.

Приплыли. Первый не услышала, а второй лучше бы не слышала вовсе.

– Аска, не летай в облаках, – фыркнула Ха-рука, начиная делать наклоны в стороны. – Или ты уже думаешь, что будешь писать на каллиграфии?

Ага, значит, каллиграфия и менталистика. Ну, хоть где-то есть шанс не провалиться.

– Конечно, думаю, – буркнула я, возвращаясь к прерванному делу, но поменяв ногу. – Наверное, это будет любовное письмо учителю Ячихаро. Я буду очень стараться, волью всю рёку, которую только смогу собрать, и потом вставлю письмо в рамку. Принесу к его двери и оставлю вместе с розовыми лепестками. Пусть знает, что я учу его предмет не ради обогащения и плохих делишек, а только ради любви.

– Порой, глядя на твои таланты в менталистике, и правда можно решить, что ты её учишь ради любви… к мазохизму, – заметила Харука.

Я оскорбилась до глубины души, однако не смогла не признать: она права. Если Ячихаро не пристукнет меня учебником – это будет прогресс. Шутки шутками, а надо как-то срочно подтягивать этот предмет. Вот каллиграфия – другое дело. Пусть у меня сегодня ночью ничего не вышло, но всё равно чувствовалось: это моё. Нужно только потренироваться, и всё получится. Я смогу писать нужные мне кандзи и наполнять силой так, как нужно.

– А в конце года надо будет выбирать ещё экзамен по специальности, – добавила Мисаки, приседая.

Судя по мечтательному взгляду, она желает стать Мастером Клинков, а значит, будет стремиться попасть на уроки к учителю Эйшу. Харука же сдавала специальность в прошлом году. Она выбрала технику рёку, решив, что это будет самым полезным в жизни. Глядя на то, что нас окружает, нельзя сказать, что она не права. Из Харуки получится прекрасный боевик. Думаю, немало цуми потеряет головы от её рук.

Харука вообще казалась мне образцом воина. Собранная, сдержанная, целеустремлённая. Судя по всему, она была стальным стержнем в связке с Аской и Мисаки. Последняя служила прекрасным буфером, смягчающим любые ситуации, а Аска… Аска, похоже, являлась занозой в заднице. Но что-то общее мы все равно находили.

Я опустила ногу и сделала глубокий вдох. Надо распределить дела. Уроки, тренировка с Аю, а потом, возможно, выпросить доступ в библиотеку. Я знаю, она тут есть и очень приличная. Значит, можно покопаться и найти информацию о клане Шенгай. Заодно и разобраться, что за огни вспыхивали над школой Токугава. Возможно, тут так принято, но лучше знать, чем догадываться.

– Она нас не слышит, – донесся смех Мисаки.

Я чуть нахмурилась и повернулась к девчонкам. Обе смотрели на меня с любопытством и едва сдерживали смех. Так, что такое? У меня волосы растрепались? Нос в грязи? Или со штанами конфуз?

Нет, всё в порядке.

– Что такое? – настороженно спросила я.

– Мы спрашиваем, – хмыкнула Харука. – Какой дополнительный предмет в конце года будешь сдавать ты?

Глава 5

День шёл за днём.

Я обучалась в школе Годзэн и умудрялась никуда не вляпываться. Только наблюдала со стороны, как Сату подралась со своей согруппницей, как Коджи выписал обеим кунделей и отправил на отработку. Правда, на этот раз к складу никого не подпустили. Было ли это специально, или же просто территория и сад при школе нуждались в уборке – неизвестно.

Я потихоньку овладевала предметами и всё чаще получала похвалу учителей. Тренировки с Аю вошли в привычное русло. Рёку начала меня слушаться. Пусть это были маленькие шажки на дороге в десять тысяч ри, но я радовалась. Особенно в тот момент, когда с пальцев сорвалась волна фиолетового света и рыбкой закрутилась у запястья, а потом перескочила ко второй руке.

Аю одобрительно кивнула.

– Ты обладаешь хорошей рёку, Аска, – сказала она. – Ощущение, что ты попросту забыла, как ей пользоваться, а теперь вспоминаешь. Вспоминать всегда легче, чем постигать новое.

Не совсем, учительница Аю. Я никогда раньше не использовала рёку и понятия не имела, как ею управлять. Но у меня нет выхода. Я должна научиться делать всё, что умела моя предшественница.

А вот с каллиграфией получалось намного лучше. Казалось, я чувствую значение иероглифов. Причем стоит увидеть какой-то новый и прописать его несколько раз, и потом мозг сам любезно находит нужное значение, стоит только снова заметить знакомый кандзи. Рёку вплеталась в линии легко и свободно. Учительница Тэхико хвалила меня всё больше. Одногруппницы переглядывались с искренним недоумением, но не рисковали что-то говорить. Каллиграфия с рёку

– не такая невинная вещь, как просто каллиграфия. И да, не стоит забывать: словом можно убить. Написанным словом, напитанным рёку – убьёшь точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/komarova_marina/kobra-klana-shengay

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить